

СВ. ГРИГОРІЙ ДВОЕСЛОВЪ

и

его проповѣдническіе труды.

Въ исторіи латинской христіанской литературы первыхъ вѣковъ немного именъ, которыхъ бы сочиненія и мысль были сильнымъ выраженіемъ своего времени съ одной стороны, и съ другой имѣли опредѣляющее властительное вліяніе на направление окружающей среды и потомства. Мы назовемъ Тертулліана, котораго св. Кипріанъ называетъ своимъ *«учителемъ»*, и чтеніемъ сочиненій котораго онъ питалъ свою душу рѣшительно каждый день, назовемъ еще св. Кипріана, св. Амвросія Медиоланскаго, блаж. Августина, блаж. Иеронима и потомъ прибавимъ къ нимъ св. Григорія Двоеслова:—этимъ мы укажемъ почти всѣ выдающіеся пункты, около которыхъ группируется развитіе латинской христіанской письменности, и по которымъ мы вѣрно можемъ живописать себѣ направленіе и духъ римской мысли и римскаго благочестія.

Если мы изъ обширной области литературы остановимся на одномъ публичномъ ораторствѣ или церковномъ проповѣдничествѣ,—этихъ характеристическихъ пунктовъ будетъ еще меньше, и тогда, при скудости ихъ, тѣмъ съ большею охотою мы должны искать ихъ, и тѣмъ съ большею любознательностію

останавливаться на нихъ. Созоменъ (Церк. Ист. кн. VII, гл. 19) въ своей исторіи говоритъ, что въ римской церкви въ его время (въ IV вѣкѣ и началѣ V) вовсе не проповѣдуютъ, и дать понять, что это обычай, укоренившійся здѣсь изстари. Позднѣйшіе изслѣдователи христіанской латинской письменности видятъ въ этомъ свидѣтельствѣ Созомена преувеличеніе, и объясняютъ его или тѣмъ, что онъ имѣлъ въ виду одинъ Римъ (а не провинціи), гдѣ при торжественномъ богослуженіи первосвященника не слышна была проповѣдь, или тѣмъ, что греку, привыкшему къ блистательному краснорѣчію и длиннымъ рѣчамъ своихъ епископовъ и священниковъ, казались не заслуживающими вниманія и названія проповѣди короткія и безыскусственныя бесѣды латинянь, и къ тому же рѣдко, далеко не во всякое богослуженіе произносимыя и т. под. Какъ бы впрочемъ ни было, но несомнѣнно, что проповѣдь на западѣ не имѣла богатаго развитія, особенно если сравнивать ее съ роскошнымъ и многообразнымъ развитіемъ проповѣди греческой. До половины четвертаго вѣка латинская письменность не представляетъ намъ никакихъ гомилетическихъ памятниковъ, и о состояніи латинской проповѣди мы можемъ судить только на основаніи отрывочныхъ извѣстій, и другихъ, родственныхъ проповѣди, сочиненій; а о томъ нечего и думать, чтобы по состоянію и направленію проповѣди характеризовать состояніе и направленіе мысли и нравственности западнаго общества.

Ясные слѣды проповѣднической дѣятельности попадаются въ латинской литературѣ съ послѣдней половины IV вѣка. Первая стадія ея историческаго развитія находитъ свое представительство въ св. Амвросіѣ Медиоланскомъ и блаж. Августинѣ и немногихъ другихъ (св. Левѣ римскомъ, Фульгенціѣ и т. д.); другая, болѣе опредѣленная и болѣе вліятельная главное выраженіе свое имѣетъ въ проповѣднической дѣятельности

св. Григорія Двоеслова. Въ первой стадіи своей латинская проповѣдь не была самостоятельною, и св. Амвросій, какъ и блаж. Августинъ не обладали такимъ даромъ ораторства, какимъ блистали въ свое время въ Греціи св. Златоустъ, Астерій, св. Василій Великій, св. Григорій Богословъ, св. Ефремъ Сиринъ и другіе восточные отцы Церкви. Внѣшняя форма ихъ рѣчей и внутреннее ихъ содержаніе, держащееся преимущественно текстовъ изъясняемаго ими св. Писанія, напоминаютъ собою греческіе образцы, манерѣ и духу которыхъ волею или неволею они подражали. Св. Амвросія, усердно и часто буквально пользовавшагося бесѣдами Оригена въ своихъ изъяснительныхъ проповѣдяхъ, а въ своихъ надгробныхъ и похвальныхъ рѣчахъ избравшаго себѣ руководственнымъ образцомъ св. Василія Великаго и св. Григорія Назіанзена, гомилеты называютъ первымъ представителемъ начального западнаго проповѣдничества, еще мало искусственнаго и больше подражательнаго, чѣмъ самостоятельнаго, дававшимъ тонъ послѣдующему времени. Блаж. Августинъ, самый вліятельный и самый плодовитый изъ латинскихъ отцовъ—писателей, въ области проповѣдничества не имѣлъ рѣшительнаго значенія, не смотря на свою *«Христіанскую Науку»*, разсуждавшую о лучшемъ способѣ проповѣданія и изъясненія народу св. Писанія, и на многочисленныя сочиненія гомилетическаго характера. Не оригинальный въ проповѣдничествѣ, онъ является руководителемъ западной христіанской мысли и творцомъ западной христіанской науки по своимъ сильнымъ ученымъ трудамъ и по строгому систематическому опредѣленію догматическаго христіанскаго воззрѣнія. Вліяніе его на латинскую письменность, замѣтное и сильное во всѣхъ послѣдующія времена, по отношенію къ проповѣди имѣло не прямое и посредственное значеніе: оно касалось склада и направленія всего христіанскаго міросозерцанія запада, и отсюда уже дѣйствовало на настроеніе и со-

держаніе латинской проповѣди, не касаясь ся формальной стороны, условливаемой ея публичностію, и состоящей въ приѣмахъ ораторскаго изложенія и дѣйствованія.

Собственно *творцомъ латинской проповѣди* историческая гомилетика признаетъ *св. Григорія Великаго* ¹⁾. До него, говорятъ, и отчасти справедливо, латинская проповѣдь была еще въ зародышѣ, въ неразвитомъ безформенномъ состояніи. Предшесвующіе труды въ гомилетическомъ родѣ латинскихъ писателей были какъ бы предварительными опытами или отрывочными упражненіями, не имѣющими крѣпкой связи съ почвою, съ предыдущимъ и послѣдующимъ развитіемъ церковной жизни. Въ лицѣ св. Григорія Двоеслова проповѣдь твердо укрѣпилась на западной почвѣ, и подъ вліяніемъ его примѣра тѣснѣе сроднилась съ богослужебными обычаями римской церкви. Въ то время, когда наступали осенніе дни увяданія для греческаго церковнаго ораторства, св. Григорій Двоесловъ предначинаетъ и открываетъ собою новыи періодъ его развитія въ той сторонѣ христіанскаго міра, въ которой оно, сравнительно говоря, было запущено. Онъ смотритъ на проповѣдь какъ на существенную обязанность пастырскаго званія, самъ проповѣдуетъ болѣе, чѣмъ какои либо другой первосвященникъ Рима, и ободряя своихъ сослужителей къ усердному выполненію своего долга, даетъ имъ въ руки извѣстное *»Пастырское Правило«*. Его пастырско-проповѣдническая дѣятельность положила корень, изъ котораго развились и на которомъ держались позднѣйшіе отрасли проповѣднической практики. На западѣ, начиная съ VII вѣка и далѣе, имя св. Григорія Двоеслова въ области проповѣдничества было авторитетомъ, къ которому обращались и которымъ повѣряли свои труды продолжатели его дѣла на поприщѣ

¹⁾ Uebersicht über die Entwicklungsgeschichte der christlichen Predigt, von Nesselmann 1862. S. XII.

церковно-проповѣдническаго служенія. Ученые богословы и представители церкви въ IX вѣкѣ (Рабанъ Мавръ, Риккульфъ, епископъ соассонскій, Вальтеръ, епископъ орлеанскій) настоятельно совѣтовали тогдашнему духовенству имѣть у себя собраніе проповѣдей св. Григорія Великаго, и готовы были считать это собраніе болѣе нужнымъ для пастыря церкви, чѣмъ самыя книги св. писанія; а Гинкмаръ реймскій рекомендовалъ не только усердно читать ихъ, но даже нѣкоторые изъ нихъ учить наизусть. Подобныя воззрѣнія, принадлежація лучшимъ представителямъ духовнаго образованія въ IX вѣкѣ, выражались и на соборахъ, бывшихъ въ тѣ времена. Соборы, бывшіе выраженіемъ голоса мѣстныхъ церквей, особенно возвышали «Пастырское Правило», и его указывали въ руководство всѣмъ епископамъ и священникамъ (Майнцкій и Реймскій 813, 3-й Турскій). Имя и сочиненія св. Григорія Двоеслова были окружены безпредѣльнымъ уваженіемъ и близкаго и болѣе отдаленнаго потомства, и это уваженіе даетъ право заключать о дѣйствительномъ вліяніи ихъ на умы и сердца. Девятый вѣкъ соединилъ имя св. Григорія Великаго съ именемъ всей духовной науки, такъ что праздникъ въ честь его памяти былъ праздникомъ всѣхъ ученыхъ и учащихся, — праздникомъ науки и школы. Въ этомъ отношеніи, до времени утвержденія схоластики, ученый западъ св. Григорія Двоеслова едва ли не болѣе зналъ и цѣнилъ, чѣмъ блаж. Августина, главнаго руководителя богослововъ — схоластиковъ.

Думаемъ поэтому, что характеристика литературно-проповѣднической дѣятельности такого святаго отца не есть дѣло мелкаго и частнаго интереса въ исторіи. Его творенія казались современникамъ и ближайшему потомству чудомъ вѣка, и у древнѣйшихъ жизнеописателей св. Григорія Великаго (Павла діакона, или Варисфрида, и Іоанна діакона) ихъ исторія окружена чудесами. Говорили, что языкомъ св. Григорія говоритъ

самъ Духъ Святый, ходили сказанія о голубѣ, слетавшемъ на голову первосвященника и влагавшемъ ему слова въ уста при объясненіи пророчествъ Іезекіиля и т. п. Значить, вѣкъ видѣлъ и признавалъ въ нихъ лучшее выраженіе своего содержанія, которое для него было такъ дорого и цѣнно, и гонялся въ нихъ благороднѣйшимъ элементомъ своего религіозно-церковнаго ризвитія. Дальше открывались вѣка, скудные письменностію и проповѣдническою литературою:—творенія св. Григорія Двоеслова долгое время стояли на поверхности всѣхъ другихъ литературныхъ явленій и были главною руководительною нитью въ опредѣленіи христіанскихъ истинъ и въ дѣлѣ нравственно-религіознаго назиданія и пастырскаго служенія. Ихъ значеніе касается довольно широкаго цикла времени, служа въ немъ одною изъ характерныхъ чертъ, отпечатлѣнныхъ въ исторіи дѣятелями просвѣщенія. Говоря о проповѣднической дѣятельности св. Григорія Великаго, для объясненія ея мы не можемъ не коснуться его нравственного и умственного строя; а все это вмѣстѣ дасть ключъ къ уясненію тѣхъ вѣковъ, которыми открывается длинный средневѣковый періодъ исторіи.

I. ХАРАКТЕРИСТИКА СВ. ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА.

I.

Дѣтство и воспитаніе св. Григорія Двоеслова переносить нашу мысль въ дома римскихъ патриціевъ VI вѣка. Вмѣсто прежней гражданской доблести и самоотверженнаго патріотизма, вмѣсто благороднаго духа свободы и независимости, чѣмъ отличались древнія знатныя фамиліи во времена республики, теперь главнымъ предметомъ стремленій многихъ изъ нихъ сдѣлалась строгая добродѣтель христіанская, живая вѣра и евангельская нравственность. У нихъ на столѣ священныя книги и аскетическія сочиненія; ихъ бесѣды не терпятъ распущенности и вѣтрости легкомысленныхъ словъ новѣйшаго свѣтскаго

общества. Печальная судьба ихъ отечества и грозное будущее надъ ихъ головами отбили у нихъ охоту заниматься земными интригами и ослабили силу временныхъ пристрастій. Имъ скучно стало служить землѣ, которая видимо колебалась подъ ихъ ногами, и потому они пристальнѣе стали смотрѣть на небо и почувствовали влеченіе къ церкви и въ ней къ самому духовнѣйшему элементу, — пустынѣ и аскетикѣ. Въ соотвѣтственный этому ладъ строились всѣ подробности ежедневной жизни, и нѣкоторый благочестивый оттѣнокъ замѣтенъ былъ и въ мысляхъ, и въ словахъ, и въ поступкахъ семействъ, служившихъ послѣднимъ огражденіемъ древнихъ римскихъ родовъ. Религіозными утѣшеніями они хотѣли застраховать себя отъ давленія тяжелой дѣйствительности, которая непривѣтливо къ нимъ относилась. И это было очень обыкновеннымъ явленіемъ, что какой нибудь сенаторъ или консулъ, безъ особенныхъ внѣшнихъ причинъ, по одному побужденію благочестиво-настроеннаго чувства, оставлялъ свой постъ и въ монастырскомъ уединеніи искалъ себѣ покоя и убожища. Въ тѣ времена такой переходъ не былъ слишкомъ рѣзкимъ, потому что между настроеніемъ монастыря и настроеніемъ благочестиваго семейства не было противоположности: перемѣнялось больше внѣшнее положеніе человека, чѣмъ привычки внутренней его жизни. И здѣсь и тамъ была вѣра самая теплая и живая. Разскажемъ о чудесныхъ подвигахъ добродѣтели, о побѣдоносной борьбѣ святыхъ съ злыми духами, о разныхъ небесныхъ и благодатныхъ явленіяхъ всѣ преданы были съ самымъ глубокимъ интересомъ, и едва ли они не составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ разговора, когда въ домѣ римскаго аристократа сходились его знакомые, близкіе къ нему или по положенію или по внутреннему складу мысли. Умы были такъ настроены, что изъ фактовъ росли сказанія и незамѣтно распространялись по воспріимчивой для нихъ почвѣ. Исканіе святости возбудило особенное уваженіе къ видимымъ

знакамъ божественной благодати. Много вещей, означенныхъ священными воспоминаніями, собиралось въ Римѣ; ихъ старались приобрѣтать частныя лица, имѣющія достаточныя средства, и что нибудь, напоминающее божественное лицо Спасителя или апостоловъ, мучениковъ и святыхъ, во многихъ домахъ хранилось какъ залогъ близкаго небснаго покровительства.

Въ такой атмосферѣ первоначально жилъ и воспитался св. Григорій Двоесловъ. Отецъ его, римскій сенаторъ, былъ одинъ изъ самыхъ благочестивыхъ патриціевъ. Ни съ кѣмъ такъ не любилъ онъ бесѣдовать, какъ съ религіозными поборниками пустыни и аскетической добродѣтели; ничего онъ не любилъ такъ читать въ часы досуга, какъ книги, въ которыхъ рассказывались чудеса о подвижникахъ вѣры и благочестія. Суета мірская тяготила его, и онъ промѣнялъ сенаторское званіе на скромное служеніе церкви, и вмѣстѣ съ нимъ посвятила себя на служеніе Богу его супруга. Благочестивые семейные обычаи и теплое религіозное настроеніе сильно отражались на впечатлительномъ юношѣ, и онъ невольно усвоилъ себѣ складъ мыслей, сближавшій его съ ревнителями монастырскихъ добродѣтелей и представителями религіознаго одушевленія. Еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ рвался оставить міръ и ставилъ задачею своєї жизни возможно полное подражаніе тѣмъ подвижникамъ христіанскаго благочестія, предъ которыми благоговѣтъ его научали частыя назидательныя бесѣды его родителей и ихъ друзей. Когда ему было за тридцать лѣтъ, мы видимъ его въ почетномъ званіи римскаго претора, или перваго представителя римскаго магистрата. Молодой человѣкъ не любилъ блистать красивою одеждою, отличавшеюся великолѣпнымъ и дорогимъ шитьемъ, — принадлежностію преторскаго званія. Его не было тамъ, гдѣ былъ одинъ нарядъ, гдѣ выставляли на показъ богатство и вѣншія преимущества. Онъ никогда не чувствовалъ себя такъ счастливымъ, какъ въ то время, когда былъ въ цер-

кви при богослуженіи или въ откровенной бесѣдѣ дѣлился съ людьми родственнаго настроенія своими впечатлѣніями и благочестивыми знаніями. Много разсказовъ хранила и собирала его память о святыхъ, угодившихъ Богу выполненіемъ высшихъ евангельскихъ совѣтовъ и о видимыхъ проявленіяхъ божественной благодати. Для него былъ самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ тотъ, кто много зналъ назидательныхъ исторій и умѣлъ передавать ихъ въ духѣ глубокой вѣры и благоговѣйнаго уваженія къ святымъ стремленіямъ. Матеріалъ для діалоговъ, давшихъ ему имя *Двоеслова*, у него готовъ былъ хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ еще до перехода его въ монастырское званіе. И самая форма этихъ назидательныхъ разсказовъ зависѣла частью отъ тѣхъ условій, при какихъ собирался ихъ матеріалъ.

Привязанный къ церкви еще до посвященія себя духовному званію, онъ не позволялъ себѣ пропускать церковное богослуженіе, особенно праздничное и торжественное. Постоянное участіе его въ богослуженіи ввело его во вкусъ церковно-богослужебный, и онъ еще въ свѣтскомъ званіи былъ любителемъ церковнаго чина и стройнаго, эстетическаго отпращиванія церковныхъ службъ. Для него было однимъ изъ самыхъ лучшихъ наслажденій присутствовать въ церкви, гдѣ святое дѣло совершается благообразно и по чину, и гдѣ слышно стройное и благоговѣйно-умиленное пѣніе. Нѣжная душа его вносилась тогда отъ земли въ міръ высшихъ созерцаній и чувствъ, и трогательныя сотрясенія ея въ такія минуты были для нея блаженствомъ, повтореніе котораго было для него такъ желательно и любезно. Черта эта осталась съ нимъ на всю его жизнь и, конечно, должна была усиливаться послѣ того, какъ онъ сдѣлался непосредственнымъ служителемъ и правителемъ церкви. Отъ того никто изъ римскихъ первосвященниковъ не ознаменовалъ такъ себя въ исторіи заботами объ устроеніи богослуженія, какъ св. Григорій Великій. У него была школа мальчиковъ, когда онъ

былъ уже римскимъ епископомъ, и ихъ онъ самъ училъ пѣнію, самъ приготовлялъ къ благоговѣйному и чинному отправленію богослуженія. Въ римской церкви доселѣ извѣстенъ такъ называемый грегорианскій напѣвъ, который обязанъ своимъ происхожденіемъ тому замѣчательному мужу, о которомъ мы говоримъ. Нужно предположить слишкомъ много любви къ внѣшнему чину богослуженія и его торжественно-стройному отправленію, когда вы видите, что слабый физически и болѣзненный человѣкъ, среди заботъ епископскаго служенія на важной римской кафедрѣ, находитъ время для того, чтобы самому непосредственно руководить людьми, исполняющими должности низшихъ клириковъ при богослуженіи, заправлять хоромъ пѣвчихъ и школьнымъ ученіемъ способствовать распространенію и исправленію церковно-богослужебнаго вкуса. Эта любовь создала антифонарій, старалась усвоить римской церкви и дѣлать повсемѣстными назидательные богослужебные порядки, соблюдавшіеся въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ церквахъ, и подарила намъ умилительною и трогательною литургіею преждеосвященныхъ, совершаемою у насъ по средамъ и пяткамъ Великаго поста. Утѣшеніе или наслажденіе слушающихъ богослуженіе и вмѣстѣ ихъ назиданіе—вотъ цѣль, къ которой стремился великій любитель церковно-богослужебной чинности и благолѣпія. И мы думаемъ, какъ многозначительно и важно было это религіозно-богослужебное утѣшеніе въ тѣ темныя времена, когда невесело смотрѣла жизнь и неизвѣстность будущаго грозно скрывалась за нависшими надъ нимъ тучами. Народъ бѣжалъ въ церковь, чтобы здѣсь найти облегченіе отъ давящихъ впечатлѣній общественной жизни, и заботливость первосвященника съ своей стороны старалась обставить церковныя дѣйствія всѣмъ, что дѣлало ихъ болѣе привлекательными и впечатлительными.

Вотъ *главная черта* въ характерѣ св. Григорія Двоеслова, вынесенная имъ изъ родительскаго дома. Ее мы ставимъ

на первомъ планѣ въ его историческомъ очеркѣ; потому она она по нашему мнѣнію, составляетъ основной фонъ его нравственной личности. Съ нею онъ является во всѣ періоды своего развитія и своей дѣятельности, отъ первыхъ дней своего воспитанія и до предсмертныхъ минутъ, и она гармонируетъ съ общимъ настроеніемъ лучшей части тогдашняго общества. Личность его обрисовывается въ исторіи полнѣе и опредѣленнѣе, когда мы всматриваемся въ его поведеніе и дѣятельность на духовномъ и въ частности первосвященническомъ поприщѣ.

Тридцати пяти лѣтъ (575 г.), св. Григорій Великій надѣлъ монашескую одежду и распрощался съ міромъ, богатствомъ и гражданскими отличіями, скоро послѣ смерти своего отца. Смерть близкихъ еще сильнѣе сосредоточила на мысли о небесномъ его духѣ, и безъ того мало привязанный къ земнымъ интересамъ, и сѣмена, посѣянные воспитаніемъ, назидательными бесѣдами и чтеніемъ аскетическихъ сочиненій, подъ вліяніемъ свѣжаго грустнаго впечатлѣнія, тотчасъ же пустили отпрыски въ жизни и практической дѣятельности св. отца. Богатство, наслѣдованное отъ отца, онъ обращаетъ на устройство монастырей (въ Сициліи), и свой домъ въ Римѣ, пронитанный духомъ благочестія и монастырской строгости, дѣлаетъ монастыремъ св. Андрея, въ которомъ самъ является первымъ и лучшимъ монахомъ.

II.

Сильный духъ св. Григорія постоянно долженъ былъ бороться съ *слабымъ тѣломъ*. Его нѣжная и хилая тѣлесная организація не выдерживала того напряженія, на какомъ хотѣлъ держать жизненный строй подвижникъ благочестія и дѣятельный правитель церкви. Въ его лицѣ мы видимъ наглядное опроверженіе латинскаго присловія: *mens sana in corpore sano*. Трудно вообразить себѣ по тому энергическому труду, какимъ заявлялъ

себя св. Григорій, чтобы онъ былъ одинъ изъ самыхъ болѣзненныхъ людей, постоянно жалующихся на здоровье. А между тѣмъ такимъ представляютъ его жизнеописатели; такимъ изображаетъ онъ и самъ себя въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ и сочиненій. Представьте себѣ человека сухаго и тощаго, небольшого роста. Продолговатое лицо его, блѣлое, блѣдное и отгнѣненное черною умѣренной бородою, еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе худобы и болѣзненности, какую посылъ онъ съ собою. И только открытое высокое чело, кажущееся большимъ отъ значительной лысины напередѣ головы, окруженной пучками немного выющихся волосъ по вискамъ, даетъ предчувствовать въ слабомъ тѣлѣ мощный, энергическій духъ. Таковъ былъ св. Григорій по описаніямъ.

Мы не пренебрегли этими частностями, имѣя въ виду болѣе живую и наглядную характеристику св. отца, тѣмъ болѣе что эти частности, какъ напримѣръ слабость здоровья, имѣютъ не малое значеніе въ его жизни, и не разъ заставляютъ обратить на себя вниманіе изучающихъ исторію и характеръ св. Григорія. Хочетъ предаться онъ аскетическимъ подвигамъ, налагаетъ на себя постъ, увеличиваетъ часы молитвеннаго бдѣнія, но тѣло его не выдерживаетъ, и онъ не разъ падаетъ въ обморокъ. Онъ видитъ, что не можетъ подвижничать и посвятить такъ, какъ другіе болѣе крѣпкіе его физически; для него тяжела эта мысль, и совѣсть беспокоитъ его. Онъ ищетъ совѣтовъ и проситъ тѣхъ, кого считаетъ угодниками Божиими, молиться за него Богу о ниспосланіи ему силы выполнять евангельскіе совѣты и подражать прославленнымъ подвижникамъ христіанства. Началъ онъ проповѣдывать о евангельскихъ воскресныхъ и праздничныхъ чтеніяхъ, и здѣсь здоровье препятствуетъ ему проповѣдывать такъ часто, какъ бы онъ хотѣлъ. То сырая погода, то лѣтній зной разстраиваютъ его некрѣпкій организмъ, и вмѣсто бесѣды церковной онъ долженъ въ постели

его заниматься уединеннымъ богомыслиемъ въ тѣ дни, когда народъ ждалъ отъ него наставленія. Въ своихъ бесѣдахъ на Евангелія, онъ не разъ жалуется на это предъ народомъ и сѣтуетъ на лѣтніе жары, такъ убійственныя для его слабаго организма. Слѣдствіе болѣзненнаго истощенія,¹⁾ болѣзненные припадки и тихій едва слышный голосъ, препятствовали ему часто произносить самому свои проповѣди, и онъ долженъ былъ поручать одному изъ своихъ діаконѣ передавать народу продиктованное имъ слово. Болѣзнь мѣшала ему во время отвѣчать своимъ корреспондентамъ иногда и по важнымъ дѣламъ, и отнимала у него свободу говорить у себя дома, когда являлись къ нему люди, нуждающіеся въ его совѣтѣ и наставленіи и требующіе у него руководства. Не малой борьбы внутренней по временамъ стоило ему непобѣдимое для него столкновение между желаніемъ и сознаніемъ долга съ одной стороны, и физическою невозможностію съ другой. Въ письмѣ къ Θεоделиндѣ,²⁾ ломбардской королевѣ, горько жалуется св. Григорій на жестокіе болѣзненные припадки, отнимающіе у него время, и при тѣлесныхъ страданіяхъ заставляющіе его выносить душевную боль отъ сознанія невозможности выполненія настоящаго долга.

III.

Когда мы смотримъ на св. Григорія Двоеслова въ его отношеніяхъ къ другимъ, въ немъ открывается *благородно-милосердная, тѣсная и сострадательная душа*. Онъ высоко цѣнилъ и уважалъ всякія дѣла, къ какимъ заповѣдано намъ стремиться; но стремясь къ нимъ, онъ не упускалъ изъ вида слабостей человеческихъ; для него тяжело было оскорбить ближняго въ его

¹⁾ Divi Gregorii papae opera omnia Antverpiae. Anno MDLXXII. T. II. Homilia in Evang. XXXIV habita dominica tertia post Trinitatem fol. 197, Homil. XXI, hab. die Paschae, fol. 123, Homil. XXII, hab. sabbato Paschae, f. 124.

²⁾ Epist. l. XII. C. XII. Oper. omn. T. II, f. 270.

завѣтныхъ убѣжденіяхъ и уважаемыхъ имъ требованіяхъ, во имя высшей религіозной идеи. Судьба не дала ему испытать горя и нужды, какими гнететъ бѣдность значительную половину человечества. Его молодость обставлена была благопріятными условіями, какъ молодость человѣка, происходящаго изъ богатаго и знатнаго рода. Но личное благополучіе не закрыло его сердца отъ участія къ страданіямъ низшей бѣдной братіи. Кругомъ его много было вопіющихъ нуждъ и бѣдности самой горькой. Увидавши чужое горькое положеніе, онъ не могъ равнодушно думать о немъ, и все готовъ былъ отдать чѣмъ наградишь его Богъ, для уголенія и уменьшенія страданія ближнихъ. Его богатое имѣніе, наслѣдованное имъ отъ отца, все пошло на церкви и монастыри, и не менѣе того на бѣдныхъ, тотчасъ же послѣ того, какъ онъ сдѣлался его распорядителемъ. И послѣ, когда онъ былъ уже первосвященникомъ, внушалъ онъ другимъ и по мѣрѣ возможности самъ старался облегчать тяжелое положеніе людей, лишенныхъ способа пропитывать себя трудами рукъ своихъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательною характеристическою чертою его милосердія была та снисходительная ласковость, съ какою онъ относился къ бѣдному, нуждающемуся въ его помощи, возвышая тѣмъ свое благотвореніе. Въ дѣлѣ благотворенія у него участвовала не одна безчувственная рука, но и горячее, полное любви и состраданія, сердце. Подавая нищему монету, онъ старался доставить ему душевное утѣшеніе и потому, если позволяло время, вступалъ съ нимъ въ теплую братскую бесѣду. И тутъ у него слышались изъ устъ нѣжныя названія и ласковыя слова, согрѣтыя теплымъ дыханіемъ любви. Подавая милостыню старику, онъ адресовался къ нему съ названіемъ *дѣдушка* или *батюшка*, равнаго по лѣтамъ называлъ *братомъ*, дѣтей, просившихъ хлѣба ласкалъ, какъ нѣжный отецъ. Такимъ образомъ помощь его вдвойнѣ была дорога для бѣдныхъ, и многіе изъ нихъ были ему болѣе благодарны за

любовное сердечное слово, чѣмъ за вещественное подаваніе. Въ началѣ каждаго мѣсяца, по свидѣтельству Павла діакона, онъ разсылалъ бѣднымъ хлѣбъ, вино, рыбу и другіе жизненные потребности изъ своихъ доходовъ, и бѣдные всѣ у него записаны были въ нарочно составленномъ для того листѣ; каждый день также его трапезу раздѣляли нѣсколько человѣкъ низшей нуждающейся братіи. Народное уваженіе такую щедрость св. отца передать въ сказаніяхъ объ особенныхъ небесныхъ явленіяхъ, случавшихся при его благотворительной трапезѣ.

Во имя тойже любви, которая заставляла св. Григорія Двоеслова дѣлать съ бѣдными имѣніе и столъ, онъ являлся ревностнымъ распространителемъ духовнаго блага христіанства. Человѣчество онъ раздѣлялъ на царство Христово и на царство діавола. Всѣ, не познавшіе имени Христова, по его представленію, были въ жалкой неволѣ у князя погибельнаго, и эта неволя ему казалась тяжеле рабства физическаго или несчастнаго плѣна у варваровъ. Потому какъ отъ рабства физическаго или плѣна варварскаго онъ готовъ былъ по мѣрѣ возможности своими средствами выкупать людей, носящихъ, подобно ему и всѣмъ, образъ Божій, такъ еще болѣе онъ горѣлъ желаніемъ возвѣстити свѣтлую вѣру сидящимъ во тьмѣ невѣдѣнія и чрезъ то распространять въ вѣрѣ духовную свободу. Онъ увидѣлъ какъ-то въ Римѣ на площади невольниковъ изъ далекой страны (Англіи). Бодрый и красивый видъ ихъ заинтересовалъ его собою, и, узнавши, кто они и откуда, онъ болѣе всего поразился тѣмъ, что они язычники, и что въ ихъ родинѣ Британія еще многія тысячи такихъ прекрасныхъ твореній носятъ во власти діавола. Тотчасъ онъ проситъ папу Венедикта I (это было еще до времени его первосвященства, на первыхъ порахъ его монастырскихъ подвиговъ) послать туда проповѣдниковъ Евангелія,

¹⁾ Acta sanctor. Mens. Martii T. II.

и самъ первый вызывается посвятить себя этому трудному дѣлу. Народъ римскій заставилъ папу воротить св. Григорія съ дороги, какъ человѣка нужнаго въ столицѣ. Но св. Григорій не оставлялъ этого дѣла, такъ глубоко занявшаго его сердце, и употреблялъ все зависящее отъ него способы довести его до желаннаго конца. Миссія бл. Августина, ознаменовавшаго себя плодотворною дѣятельностію въ Британіи, была ни чѣмъ инымъ, какъ выполненіемъ его плана и желанія. Будучи папою, онъ устроилъ эту миссію, постоянно пореписывался съ ея дѣятелями, давалъ ей совѣты, одобренія и т. под., вообще съ горячимъ участіемъ слѣдилъ за нею, какъ за своимъ собственнымъ дѣтищемъ. Британія не единственная страна въ которой онъ старался распространить свѣтъ христіанства. Всюду, куда простиралась его власть, онъ хотѣлъ бы внести сѣмя спасительной вѣры, и тамъ содѣйствовать ея возрастанію. Онъ призывалъ съ своей римской катедры къ содѣйствію въ этомъ дѣлѣ епископа корсиканскаго, королеву франкскую Брунегильду, начальство острова Сардиніи и т. далѣе. Вмѣстѣ съ язычниками св. Григорій оплакивалъ положеніе и еретиковъ, какъ людей погибельныхъ. Ихъ судьба поражала въ немъ еще гораздо больше горькихъ чувствъ и помышленій, чѣмъ судьба язычниковъ. Такъ много у нихъ пунктовъ соприкосновенія съ истинною церковію, хранильницею спасительной святости Господней; она слышитъ голосъ, зовущій ко внутреннему единенію со Христомъ, и между тѣмъ остаются внѣ ограды церковной, во власти врага человѣческаго спасенія.

При глубокомъ состраданіи къ невѣрнымъ и еретикамъ, при взглядѣ на нихъ, какъ на людей, обреченныхъ на гибель, понятно, съ какою пламенною ревностію желалъ ихъ обращенія великій святитель. Тѣ времена, въ которыя жилъ онъ, имѣли въ себѣ много грубости, и религіозный фанатизмъ часто проявлялся кровавыми насиліями и стѣсненіями иномыслящихъ.

Многіе считали спасительнымъ дѣломъ силою принужденія, угрозъ и наказаній обращать невѣрныхъ къ вѣрѣ въ истиннаго Бога, и еретиковъ къ единенію съ церковію. Мало смягченныя цивилизаціею обычаи мирились въ этомъ случаѣ съ системою насилій. На той почвѣ, которая носила св. Григорія Двоеслова, возникли въ послѣдствіи кровавые походы Карла Великаго въ Саксовію и за Пириней, ознаменованные не малыми жестокостями и предпринимавшіеся съ цѣлю обращенія въ христіанство цѣлыхъ націй. Добрая и вѣжная душа св. Григорія, при всей пламенной ревности его по истинѣ вѣры старалась слѣдовать другой, мягкой и снисходительной, системѣ. Не по ней были тѣ насилія, къ какимъ иногда прибѣгали для обращенія невѣрныхъ, и мечъ онъ считалъ ненадежнымъ союзникомъ въ дѣлѣ убѣжденія. Онъ сдерживалъ своею властію неумѣренные порывы другихъ, отзывающіеся фанатизмомъ: къ чистому дѣлу, по его представленію, не слѣдуетъ примѣшивать ни капли ненависти, и большая строгость предосудительна въ дѣлѣ спасенія душъ. «Епископъ не долженъ наводить на другихъ страхъ наказаніями (писалъ онъ Іоанну Константинопольскому ¹⁾). Мы пастыри, а не гонители. Терпѣливыя обличенія и просьбы совѣтуетъ апостолъ (2 Тим. 11, 4), но это было бы новымъ и неслыханнымъ ученіемъ принуждать къ вѣрѣ наказаніями.»

Здѣсь особенно замѣчательно его отношеніе къ евреямъ, пользовавшимся не доброю славою въ то время и бывшимъ предметомъ ненависти христіанскаго римскаго общества за упорную исключительность ихъ убѣжденій и обычаевъ и за свою вину предъ божественнымъ начальникомъ нашей вѣры и нашего спасенія. Ихъ сторону часто принималъ сострадательный епископъ, когда религіозная ненависть подвергала ихъ стѣсненіямъ, насилію и гоненіямъ. Онъ скорбѣлъ объ ихъ внутреннемъ оже-

¹⁾ Epist. lib. pr. cap. XCI. f. 187.

сточенія въ отношеніи къ христіанству, но никакъ не хотѣлъ и не могъ терпѣть, чтобы обижали и гнали ихъ, чтобы попирали ту святыню, которой они поклоняются, и силою вели ихъ къ купѣли крещенія. Въ письмахъ его, дошедшихъ до насъ, много доказательствъ его мягкаго, человеколюбиваго отношенія къ невѣрнымъ іудеямъ, и куда только простиралась его власть, вездѣ онъ старался внушать подчиненнымъ любовью и убѣжденіемъ привлекать къ себѣ сердца заблуждающихся, а не насиліемъ и жестокостями подчинять ихъ волю своимъ желаніямъ. Послышались въ Италіи жалобы, что въ Марсели силою и угрозами заставляли принимать крещеніе евреевъ, пришедшихъ туда по дѣламъ торговымъ. Св. Григорій Великій пишетъ ¹⁾ Виргилію, епископу арльскому и Θεодору, епископу марсельскому скорбное и наставительное посланіе по этому поводу. Онъ выставляетъ имъ на видъ, что насильственный образъ дѣйствій, при обращеніи въ христіанство, не согласенъ съ любовью къ Господу нашему Іисусу Христу и противорѣчитъ духу писанія. Вмѣсто пользы онъ скорѣе принесетъ вредъ тѣмъ, которыхъ вы хотите спасти; крещенные насиліемъ нисколько не оставятъ своихъ прежнихъ суевѣрій. Нужно молиться о нихъ, нужно словомъ и ученіемъ содѣйствовать ихъ обращенію: этого довольно для христіанскаго пастыря, и благодать Божія скорѣе увѣнчаетъ успѣхомъ такой образъ дѣйствованія, чѣмъ другой противоположный, отталкивающий своею жестокою, негуманною стороною. Отняли какъ-то въ Истріи синагогу у іудеевъ, и не разъ прогоняли ихъ изъ тѣхъ мѣстъ, куда они собирались для молитвы и богослуженія. Св. Григорій, въ письмѣ къ Петру, тамошнему епископу, приказываетъ возвратить іудеямъ ихъ синагогу и рекомендуетъ впередъ употреблять одиѣ мягкія мѣры для ихъ обращенія, способныя располагать сердца невѣрныхъ

¹⁾ Greg. papae op. omni. T II. Epist. liber primus. c. XLV. f. 171.

къ христіанамъ, и не ожесточать и не раздражать ихъ ¹⁾. Тоже расположеніе чловѣколюбиваго сердца св. Григорія видно въ посланіи его къ Іануарію, епископу кальярскому въ Сардиніи. Тамъ одинъ іудей, принявши крещеніе, на другой день послѣ того, въ праздникъ пасхи, ворвался въ синагогу, поставилъ въ ней икону Божіей матери, крестъ и другія принадлежности христіанской религіи. Іануарій не сочувствовалъ такому насилію неофита христіанскаго. Св. Григорій хвалитъ его за такое расположеніе, совѣтуетъ взять и вынести изъ синагоги икону и крестъ съ подобающею честію и возвратить самую синагогу іудеямъ для ихъ религіозныхъ отправленій ²⁾.

Такія мягкія и нѣжныя черты характера св. Григорія Великаго рѣзко отбѣляются темною картиною нравовъ того времени, когда гуманная цивилизація христіанская еще не проникла въ плоть и кровь новыхъ народовъ, когда въ дѣлѣ религіи большинство руководилось ревностію безъ любви и не по разуму, когда снисходительная любовь, старающаяся привязать къ себѣ невѣрныхъ, а не поражать ихъ страхомъ, казалась слабостію и недостаткомъ энергіи. Предъ нами тянется длинный рядъ вѣковъ, въ продолженіе которыхъ одно названіе жида считалось тяжкимъ преступленіемъ, достойнымъ наказанія, и страсти народныя разражались убійственными грозами надъ головами отверженной націи, гонимой изъ одного мѣста въ другое, и нигдѣ не находящей себѣ вѣрнаго пристанища. На порогѣ этихъ вѣковъ пріятно красуется личность святаго римскаго пер-

¹⁾ *Divi Gregorii opera omnia*. T. I, l. 173. Autverpiac. MDLXXII. *Epistolarum liber primus caput XXXIII*.

²⁾ См. еще письмо Пасхазію, епископу неаполитанскому (*Epist. liber decimus*, c. XV, op. omni. T. II, f. 264), въ которомъ св. Григорій совѣтуетъ не притѣснять іудеевъ, не запрещать имъ отправлять свои религіозныя церемоніи и т. п.

вбсвщеника, и голосъ его, нѣжныи, полный любви и состраданія, возбуждая ревность по вѣрѣ, въ людяхъ, обращающихся въ нему, въ тоже время просить пощады для несчастныхъ отверженниковъ христіанства, говоритъ о мягкомъ, человѣколюбивомъ обращеніи съ ними, и совѣтуетъ не мечомъ, а словомъ покорять ихъ подъ иго вѣры Христовой. И какъ жаль, что тотъ нѣжный голосъ не нашелъ себѣ надлежащаго вниманія въ длинныя средніе вѣка! Они не запятнали бы себя такъ варварствомъ и кровію, если бы великій первосвященникъ, открывающій ихъ собою, былъ главнымъ руководителемъ дѣйствій западнаго христіанства въ теченіе средневѣковаго періода.

IV.

Доброе и мягкое сердце св. Григорія Великаго виднѣе было подчиненнымъ ему людямъ, имѣющимъ съ нимъ постоянныя сношенія, чѣмъ иновѣрцамъ, противъ которыхъ должна была ратовать христіанская церковь, и борьбу съ которыми старался умѣрить и смягчить римскій первосвященникъ, нами названный. Внимательный къ долгу и къ обязанностямъ духовнаго званія и нравственнаго совершенства, онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось вокругъ него, самъ непосредственно вникалъ во все, и любилъ, чтобы жизнь, имъ заправляемая, текла чисто, безупречно, въ полномъ согласіи съ тѣмъ идеаломъ, какой онъ начерталъ для ней. Этотъ идеаль былъ очень высокъ, какъ видно изъ его нравственныхъ сочиненій и въ особенности изъ его *Пастырскаго Наставленія*. Строгій аскетъ, любившій живую дѣятельность, не смотря на свою болѣзненность, неопустительно старавшійся о поддержаніи полного чина и порядка въ подвѣдомственной ему средѣ, онъ хотѣлъ одушевлять своимъ дыханіемъ всѣхъ, кто поставленъ былъ близъ него, и долженъ былъ раздѣлять съ нимъ бремя слу-

женія. Поставленный выше другихъ, у кормила церковнаго правленія, своимъ широкимъ и живымъ участіемъ во всѣхъ дѣлахъ онъ возбуждалъ бдительность въ людяхъ, поставленныхъ къ нему въ соприкосновеніе. При немъ все кипѣло, все дышало самою строгою нравственностію, и благочиніе было такое, какого всюду можно желать. Св. Григорій былъ чело-вѣкъ не только высокой нравственности, но и строгой дисциплины, и онъ требовалъ отъ подчиненныхъ поэтому не только нравственности, но и соблюденія внѣшняго чина и порядка. Но своихъ цѣлей онъ достигалъ не воинскою строгостію, не принудительнымъ вліяніемъ внѣшней власти, заставляющей другихъ бояться ея гнѣва, а скорѣе своимъ увлекающимъ примѣромъ, внимательностію любви, которая больше проситъ и умоляетъ, чѣмъ приказываетъ и распоряжается. Онъ не ставилъ себя по отношенію къ подчиненнымъ на недосыгаемую высоту, съ которой раздается грозный голосъ, внушающій молчаливую покорность. Къ его характеру подходили больше теплыя нравственныя отношенія, чѣмъ холодныя юридическія. Во имя этихъ нравственныхъ отношеній, онъ похожъ былъ на епископской каедрѣ скорѣе на отца, чѣмъ на начальника и создавалъ въ окружающей средѣ мирное семейство, гдѣ всѣ относились другъ къ другу съ полнымъ довѣріемъ и взаимною расположенностію, и гдѣ св. Григорій былъ однимъ изъ братьевъ, дружески, съ любовію бесѣдующимъ съ своими сослужителями, и въ братскомъ тонѣ сообщавшимъ имъ свои указанія и совѣты. Самыя предостереженія, выговоры и обличенія у него облекались мягкою, какъ бы семейною формою, и заставляя чувствовать вину или ошибку, не давали повода обижаться внѣшнимъ выраженіемъ замѣчанія или наставленія. Духъ тихій, мирный и любовный вѣялъ вокругъ св. Григорія, и имъ онъ сильнѣе покорялъ себѣ сердце, чѣмъ другіе угрозами и наказаніями. Онъ хотѣлъ имѣть дѣло не съ внѣшнимъ юридическимъ чело-вѣкомъ,

а съ внутреннимъ нравственнымъ, и его правительственная тактика направлена была на то, чтобы возбуждать въ людяхъ желаніе нравственной чистоты и совершенства и дѣйствовать на чувство стыдливости неспорченного человѣка. Духъ и характеръ своего пастырскаго управленія св. Григорій изобразить въ письмѣ къ Іоанну, епископу иллирійскому. Утверждая его викаріемъ римскаго епископа по управленію Иллиріею, онъ замѣчаетъ, какъ онъ долженъ дѣйствовать, чтобы успѣшнѣе достигать своихъ цѣлей и болѣе соответствовать идеалу христіанскаго правленія. Св. Григорій рекомендуетъ ¹⁾ Іоанну иллирійскому возможное снисхожденіе и умѣренность по отношенію къ подчиненнымъ, такъ чтобы они больше любили, чѣмъ боялись своего начальника. Если случится наказать кого либо за вину или неисправность, то при этомъ нужно руководиться отеческою любовію, а не строгимъ закономъ, соображающимъ наказаніе съ виною, часто безъ вниманія къ человѣческимъ слабостямъ. Въ письмѣ къ Августину, обращающему англосаксовъ въ христіанство, св. Григорій совѣтуетъ милосердіе даже въ отношеніи къ тѣмъ, которые что либо похитили у церкви. Ихъ нужно наказывать (говоритъ св. Григорій), но съ отеческимъ снисхожденіемъ: пусть наказаніе имѣетъ единственною цѣлію исправленіе виновнаго и предохраненіе его отъ мукъ ада. Необходимо при этомъ дѣлать различіе между виновными лицами: похитившій что либо у церкви, ничего у себя не имѣя, не можетъ быть подвергнутъ одному наказанію съ человѣкомъ рѣшившимся на хищеніе не отъ нужды и бѣдности; бѣдный воръ болѣе достоинъ снисхожденія, чѣмъ воръ достаточный, тѣмъ болѣе богатый.

Нѣжная, для всѣхъ доступная, ко всѣмъ одинаково ласковая натура св. Григорія хорошо обрисовывается преданіемъ

¹⁾ Gr. oper. T. II. l. 203. Epist. liber quartus. C. XCIX.

объ устроенной имъ школѣ, въ которой онъ былъ непосредственнымъ распорядителемъ и наставникомъ. Дѣтская простота и нѣжность молодой неспорченной души отзывалась чуткою симпатією въ его открытомъ сердцѣ. Относительная безпомощность дѣтей, требующихъ развитія и ухода за собою, останавливала на себѣ его вниманіе, готовое съ своею помощію всюду, гдѣ только нужна она была. И вотъ св. Григорій, по побужденію своего добраго сердца, является въ школѣ, съ теплымъ участіемъ входитъ въ нужды и расположенія дѣтей, самъ учитъ ихъ лѣтнію и отечески наставляетъ въ вѣрѣ и познаніи христіанства. Непосредственная внимательность и близость къ дѣтямъ св. Григорія была такъ велика, что въ послѣдующіе вѣка имя его сдѣлалось идеаломъ добраго педагога, и школы, и всѣ учащіеся дѣти праздновали день его, какъ день дорогаго для школы руководителя, учившаго своимъ примѣромъ надлежащимъ педагогическимъ отношеніямъ къ развивающимся дѣтямъ

V.

Было бы ошибочнымъ заключеніемъ, если бы на основаніи того, что добрая натура св. Григорія поставляла себя въ близкія братскія отношенія къ своимъ подчиненнымъ, и любила только мягкя мѣры взысканія, мы сказали, что въ управленіи его была слабость, небрежная запущенность и потворство чужимъ грѣхамъ. Нѣтъ, св. Григорій при добротѣ умѣлъ быть строгимъ и съ снисхожденіемъ соединялъ твердость и рѣшимость. Обязанности званія, священное дѣло Божіе для него было выше всего, и любовь и снисхожденіе къ людямъ не могли довести его до того, чтобы забыть свой долгъ и сдѣлать малѣйшее послабленіе въ служеніи Богу. Когда сталкивались между собою

³⁾ Epist. I. IX. C. LVIII. l. 254

два чувства,—чувство человеческой любви и чувство ревности по вѣрѣ и долгу званія,—побѣда оставалась за вторымъ чувствомъ, и онъ являлся настойчивымъ и непоколебимымъ. «Ты знаешь мой характеръ (писалъ ¹) онъ Сабиніану, своему нунцію въ Константинополѣ), знаешь, что я долго терплю; но когда наконецъ обязанность меня призываетъ, мое терпѣніе превращается въ бодрость, и я смѣло иду на встрѣчу всѣмъ опасностямъ.» Эта смѣлая бодрость много разъ проявлялась въ жизни и дѣятельности тихаго и добраго архипастыря. Еретики, имѣвшіе случай опытомъ дознать мягкое сердце св. Григорія, въ тоже время очень хорошо видѣли, что онъ не расположенъ ни къ какимъ уступкамъ въ дѣлѣ чистой вѣры, и не захочетъ имѣть мира съ людьми, уклонявшимся отъ церковнаго единства въ своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Не разъ вступалъ онъ въ столкновеніе съ императорскою властію (по случаю указа, ²) запрещавшаго вступать въ монастырь людямъ, находящимся въ военной службѣ; по случаю обвиненія, по жалобѣ императору Маврікію, Адріана, епископа оивскаго въ Тессалии; по случаю столкновенія съ эгзархами изъ за мира съ лангобардами и т. п.), и въ этомъ случаѣ показывалъ себя человекомъ, который не хочетъ молчать изъ за боязни навлечь на себя не-расположеніе или гнѣвъ верховной гражданской власти. Когда онъ видѣлъ явное оскорбленіе святыни церковной, напримѣръ въ приобрѣтеніи церковныхъ должностей куплею, деньгами и происками, вооружился всею своею властію для пресѣченія гру-

¹) Epistolarum liber septimus Cap. I. Operum omn. Greg. T. II f. 218

² Epist. C. VII. Cap. CXIII. Brunichildae. reginae francorum, et Cap. CXIV. Theodorico et Theoberto regibus francorum Op. omn. T. II p. 236. Epist. lib. nonus Nicio, episcopo Hierosolymorum C. XL. Op. omn. f. II. pag. 251—2. Aregio, episc. Galliae Ep. lib. nonus. C. LI. p. 253. Theodorico, regi francorum. L. IX C. LIII LIV. p. 253. Brunihildae. reg. francorum lib. IX. C. LXIV p. 255

баго и оскорбительнаго для церкви безпорядка, и неутомимою ревностію дѣйствовалъ къ усилію симоніанской ереси,¹⁾ и тутъ у него входили въ силу отлученія и запрещенія по отношенію къ виновнымъ клирикамъ.

У св. Григорія Двоеслова много было дипломатическаго такта и административной силы, зависѣвшей отъ силы и гибкости его духа. Его юридическое образованіе и служеніе въ гражданскихъ правительственныхъ должностяхъ приготовили въ немъ вліятельнаго мужа дѣла, дающаго чувствовать свое значеніе на разныхъ постахъ церковнаго управленія. Тотчасъ же, по переходѣ въ духовное званіе, является онъ настоятелемъ основаннаго имъ монастыря св. Андрея; и стекшіеся къ нему, какъ сильному руководителю, люди, ищущіе высшаго нравственнаго совершенства, по его указанію готовы были посвятить себя на самыя трудныя предпріятія. — идти напримѣръ въ далекую незнакомую страну (Британію) для обращенія язычниковъ въ христіанство. Великій городъ (Римъ) чувствовалъ, что въ св. Григоріѣ онъ имѣетъ великую нравственную руководительную силу, и потому онъ настоятельно требовалъ у папы (Венедикта I) возвращенія св. Григорія, когда онъ самъ отправился въ далекую и трудную миссію, указывая на то, что съ выходомъ изъ Рима св. Григорія, городъ лишается одной изъ главныхъ опоръ своихъ.

Послѣ манифестаціи народной къ пользу св. Григорія, послѣ оказанія ему общаго народнаго довѣрія его принимаютъ въ число семи діаконъ-кардиналовъ, составившихъ около папы правительственный соборъ. Пелагій II, во вниманіе къ его способностямъ и административной ловкости, дѣлаетъ его своимъ секретаремъ, потомъ посылаетъ въ Константинополь въ

¹⁾ Gregorii papae op. omn. T. II, f. 128. Epist. liber sec. c. C. 2. Epist. liber tert.

качествъ своего апокрисиарія при императорскомъ дворѣ. Трудное и щекотливое положеніе нунція папскаго св. Григорій выдерживалъ съ честію и достоинствомъ. Императоръ, дворъ его и константинопольскія власти съ уваженіемъ относились къ нему, окружали его почестями и охотно принимали его представленія. Хотя онъ жилъ довольно уединенно, вдали отъ высшаго общества и больше всего проводилъ время съ людьми строгаго благочестія и аскетическаго настроенія. Голосъ его считался голосомъ человѣка широкихъ свѣденій и испытанной вѣры, и потому къ нему обращались за разрѣшеніемъ недоумѣній о разныхъ нравственно-религіозныхъ предметахъ. Онъ поднялъ слово противъ патріарха Евтихія, заслужившаго титулъ исповѣдника, въ вопросѣ о состояніи тѣлъ святыхъ послѣ воскресенія, и частью письменно, а большею частью въ нарочитыхъ устныхъ совѣщаніяхъ, держанныхъ въ присутствіи императора Тиверія, умѣлъ примирить съ собою патріарха и заставилъ его отказаться отъ представленія о совершенной разности между тѣлами настоящими и будущими, воздушной прозрачности и неосязаемости будущихъ тѣлъ святыхъ. Мы должны предполагать много такта, кроткаго миролюбія и силы убѣжденія въ человѣкѣ, когда онъ, чужестранецъ въ Константинополѣ, въ возбужденномъ имъ спорѣ съ высшими представителями духовной константинопольской власти, умѣлъ вести себя никого не оскорбляя и въ тоже время склоняя побѣду на свою сторону.

Когда онъ былъ римскимъ епископомъ, онъ не только умѣлъ поддерживать высокій нравственный строй и порядокъ церковной жизни, бдительно слѣдя за всѣми и настоятельно внушая свои правила низшимъ іерархическимъ лицамъ, но еще своею мудростію исправлялъ недостатки гражданскаго управленія и предотвращалъ опасности, происходившія отъ небрежности представителей императорской власти въ Италіи или экзарховъ. Въ то время, когда св. Григорій былъ облеченъ вла-

стію римскаго епископа, Італія трепетала предъ лонгобардами, и разные города и селенія ся не разъ подвергались отъ нихъ нападеніямъ и опустошеніямъ. Лонгобардское войско, дикое и жестокое, появлялось иногда предъ стѣнами самаго Рима, какъ на примѣръ въ 591 и въ 595 году. Въ странѣ и городѣ безпокойство, печаль и смятеніе.... Экзархи, жившіе въ Равеннѣ, отъ признанія ли своего безсилія или отъ неизвинительной небрежности и непредусмотрительности, не принимали нужныхъ мѣръ для защищенія ввѣренныхъ ихъ попеченію населеній отъ нашествія варваровъ. А между тѣмъ они вели себя слишкомъ гордо по отношенію къ ихъ погѣрителямъ, не хотѣли вступать съ ними въ договоры, и своимъ гордымъ, но бездѣтельнымъ поведеніемъ только раздражали враговъ и усиливали въ нихъ духъ мщенія и жестокости. Св. Григорій разными представленіями старался дѣйствовать на намѣстника императорскаго, чтобы возбудить его къ дѣятельному отпору враговъ, или къ заключенію съ ними мирнаго договора. Когда эти представленія не имѣли силы, онъ самъ входитъ въ сношенія съ лонгобардскими предводителями, и съ помощію церковнаго имущества покупаетъ миръ и тѣмъ спасаетъ многихъ жителей отъ насильной смерти или покорнаго плѣна, и беззащитный Римъ отъ разграбленія. Императоръ Маврикій недоволенъ былъ сколько миромъ, какъ будто милостію выпрошеннымъ у врага, столько и вмѣнательствомъ епископа въ политическія дѣла. Его обвиняли изъ Константинополя въ простотѣ (*urbana simplicitas*), въ политической безтѣлности, въ непониманіи современнаго положенія своей страны; говорили что онъ по простотѣ своей обманутъ хитростію Арнульфа, лонгобардскаго короля и клеймили его обидными названіями.¹⁾ Такія обвиненія сверфлены были даже подписью императора. Но голосъ римскаго народа

¹⁾ Greg. op. omn. T. II. Epist. liber quartus. Cap. LXXV. f. 197.

не раздѣлялъ этихъ обвиненій, видя въ своемъ епископѣ своего спасителя. Хорошо было издали разсуждать о чужихъ дѣлахъ и мѣрахъ, не чувствуя надъ собою никакой грозы и опасности. Естественно, послѣ отращенія бѣды, рассчитывать на случайности, какія могли дать неожиданный оборотъ дѣлу. Но когда выпить бѣда, и гроза носится надъ головами, тогда нуно браться за дѣйствительныя мѣры, и не убаюкивать себя разными теорическими успокоивающими соображеніями и разсужденіями. Св. Григорій глубоко принялъ къ сердцу несправедливыя обвиненія за такое дѣло, которое спасло городъ и народъ отъ страданій и потому заслужило въ близкихъ къ нему благодарность, а не нареканія. Онъ признаетъ свою простоту въ отвѣтномъ письмѣ¹⁾ императору, но указываетъ на то, что въ св. писаніи простотѣ дается въ спутницы мудрость и честность. *«Я самъ сознаюсь (пишетъ онъ далѣе), что я человекъ простой и недалекій (fatuus). Если бы здѣсь умолчало ваше благочестіе, говорили бы объ этомъ самая дѣла. Ибо, если бы я не былъ слишкомъ простъ, то я не довелъ бы себя до того положенія, въ которомъ теперь такъ много терплю отъ мечей лонгобардовъ. Но напрасно при дворѣ не вѣрили моимъ донесеніямъ и представленіямъ. Отъ того, что не обращали на нихъ вниманія и не вѣрили имъ, силы враговъ безмѣрно умножились. А страна моя (Италія) каждый день трепетала и страдала, подъ игомъ лонгобардовъ, видя плѣнъ своихъ дѣтей и опустошеніе своихъ селеній.»*

Мы не поставляемъ своею задачею полное жизнеописаніе св. Григорія Двоеслова и потому не считаемъ нужнымъ перечислять всѣ подробности, въ какихъ вынаружился его характеръ и его замѣчательная дѣятельность. Мы говоримъ теперь, что эта дѣятельность была дѣятельность умная, широкая и мно-

¹⁾ Gr. op. omn. T. II, p. 198. Epist. liber quartus C. LXXV.

гообъемлюща, выходившая иногда даже за предѣлы церковно-іерерхическаго круга, и во всѣхъ случаяхъ плодотворная и полезная. Нагляднымъ памятникомъ этой многообразной дѣятельности служатъ его *письма*, которыхъ остались отъ него цѣлыя сотни. Занимая римскій престолъ, онъ поддерживалъ самыя широкія связи и принималъ живое участіе и въ великихъ и въ мелкихъ интересахъ своего времени. Посредствомъ письмени и посланій его слово раздается и предъ императоромъ, его сестрою и патріархомъ въ Константинополѣ, предъ королемъ франковъ (Хильдебертомъ) въ Галліи, и королевою лонгобардскою (Теоделиндою) на сѣверѣ Италіи и другими царственными особами. Въ то же время онъ пишетъ посланія къ епископамъ, клиру и общинамъ разныхъ мѣстъ, даетъ наставленія діаконамъ и низшимъ клирикамъ, бесѣдуетъ иногда съ патріціями и простыми мірянами и т. п. Въ нихъ найдете вы иногда разрѣшеніе современныхъ догматическихъ недоразумѣній (напр. о трехъ главахъ, о значеніи Халкидонскаго и другихъ соборовъ,¹⁾ объ остаткахъ святыхъ и почитаніи ихъ),²⁾ много нравственныхъ и аскетическихъ распоряженій и наставленій (о призрѣніи напр. бѣдныхъ и странныхъ, о подвигахъ монастырской жизни, предостереженіе противъ увлеченія человѣческими похвалами и т. д.), много обрядныхъ и дисциплинарныхъ указаній, опредѣляющихъ подробности совершенія того или другаго таинства (напр. объ образѣ³⁾ знаменованія (муропомазанія) крещеныхъ дѣтей епископами и пресвитерами, объ образѣ принятія въ церковь крещенныхъ у еретиковъ).⁴⁾ Но болѣе всего въ нихъ виденъ заботливый пастырь, который боится, какъ бы

¹⁾ Gr. op. omn. T. II. Epistolarum liber II, c. XXXVI, et lib. III, c. XXXIII.

²⁾ Lib. III, c. XXX.

³⁾ L. XIV, c. IX.

⁴⁾ L. IX, Ep. LXI.

не было въ дѣлахъ церковныхъ какого либо послабленія и опущенія, который старается о томъ, чтобы вездѣ были добрые и вѣрные пастыри, хорошо служащіе дому Божію. Потому сколько посланій къ разнымъ общинамъ о томъ, чтобы онѣ на праздную кафедру старались избирать достойныхъ и испытанныхъ людей! Сколько внушеній готовымъ пастырямъ съ благоразумною ревностію и любовію блюсти стадо Христово! Сколько кроткихъ обличеній и наставленій для тѣхъ, которые, по обстоятельствамъ, увлеклись въ какую либо сторону отъ прямого пути пастырскаго! Но памъ не достало бы времени рассказать сущность слова св. Григорія, заключеннаго въ его письмахъ, — слова, текущаго въ безграничномъ многообразіи, по всѣмъ слоямъ церковно-гражданской жизни и всѣ ихъ оплодотворяющаго.

VI.

Но сила духа, широта и мудрость правительственной дѣятельности не давала повода св. Григорію высоко смотрѣть на себя и гордиться предъ другими своими преимуществами. Смирненіе, смиреніе искреннее и глубокое, сопровождало его на всѣхъ путяхъ его жизни. Оно побудило его пренебречь выгодами и почестями высокаго гражданского положенія, какимъ онъ пользовался въ молодыхъ годахъ, и посвятить себя скромной монашеской жизни. Когда его рѣшили возвести, по единогласному избранію сената, духовенства и народа римскаго, на первую на западѣ римскую кафедру, — для него тяжело было промѣнять тихое монастырское уединеніе на высокій постъ римскаго епископа, и онъ всѣ мѣры употреблялъ къ тому, чтобы уклониться отъ почетнаго избранія, такъ что возбудилъ во всѣхъ удивленіе и недоумѣніе своимъ настоятельнымъ уклоненіемъ отъ предлагаемой ему духовной почести. Онъ пишетъ

парочито въ Константинополь къ императору, который долженъ былъ, по обычаю тогдашняго времени, утвердить его избраніе. Въ этомъ письмѣ онъ выставляетъ на видъ свою слабость и проситъ усильно императора не возлагать на него обязанности, которая выше силъ его. Это письмо не было голосомъ лицемерія или мгновеннаго взрыва чувствъ отъ живаго сознанія высокихъ и многосложныхъ обязанностей епископа, внезапно представшихъ предъ его глазами. Мы имѣемъ предъ глазами его посланія, въ которыхъ самымъ задушевнымъ образомъ высказывается печаль, причиненная ему почетнымъ избраніемъ. Возьмите письма его принцессѣ Теокистѣ,¹⁾ сестрѣ императора, Иоанну патріарху константинопольскому,²⁾ патрицію Нарзесу,³⁾ которыхъ онъ просилъ дѣйствовать на императора въ томъ смыслѣ, чтобы онъ не утверждалъ избранія. Въ нихъ говоритъ душа, которую насильно хотятъ сдвинуть съ своего мѣста, и потому ея ощущенія отзываются болѣзненною горечью. Инстинктъ самосохраненія, нашедшій убѣжище среди молитвы и монастырскаго уединенія, изыскиваетъ всѣ мѣры, чтобы спасти свой покой, внутреннюю независимость своихъ занятій. Св. Григорій оплакиваетъ,⁴⁾ что епископство опять приведетъ его въ міръ, въ которомъ онъ долженъ будетъ обременять себя такими же земными работами, какія тяготили его въ жизни свѣтской. «Я потерялъ возвышенныя радости моего покоя... и оплакиваю себя какъ человѣка, изгнаннаго далеко отъ лица своего Создателя. Я старался постоянно жить внѣ міра и плоти, гналъ отъ мысленныхъ очей всѣ очарованія земныя, и не только голосомъ, но и помыслами сердечными стремясь къ міру Божию,

1) Gr. op. omn. T II, f. 168—169. Epist. liber primus C. V.

2) C. IV.

3) C. VI.

4) Epist. Theoctistae, sorori imperatoris. Ep. lib. pr. C. V.

*

я говорилъ: *Тебѣ рече сердце мое: Господа възму, възмыка Тебе лице мое, лица твоего Господа, възму* (ис XXVI, 8). Я возлюбилъ красоту созерцательной жизни какъ Рахиль, безплодную, но много видящую и прекрасную: если она и менѣе раждаетъ по своему покою, за то прозрачнѣе и яснѣе свѣтитъ.... Я хотѣлъ бы съ Маріею сидѣть у ногъ Господнихъ, и слушать слова устъ Его, и вотъ съ Марею приходится заниматься внѣшними дѣлами, и пещись о многомъ. Отгнавши отъ себя легіонъ демоновъ, какъ я вѣрилъ, я хотѣлъ застать тѣхъ, кого знать, и успокоиться у ногъ Спасителя, и вотъ не смотря на мое нехотѣніе и мой отказъ, говорятъ миѣ: возвратись въ домъ свой, и возвѣсти что сдѣлалъ съ тобою Господь. Но кто при такихъ земныхъ работахъ въ состояніи проповѣдать чудеса Божіи?» Въ письмѣ къ Іоанну константинопольскому¹⁾ онъ укоряетъ его дружески, что его блаженство не любить его такъ, какъ самого себя, не воспрепятствовавъ своимъ ходатайствомъ возложить невыносимую для него тяжесть епископства, и объявляетъ себя недостойнымъ и слабымъ для того, чгобы управлять кораблемъ церкви сильно поврежденнымъ и требующимъ болѣе опытной руки для спасенія отъ бурь и крушеній.— Послѣ охладѣли чувства, заставившія св. Григорія прибѣгать ко всѣмъ мѣрамъ для уклоненія отъ высокаго званія епископа. Но взглядъ на дѣло оставался одинъ и тотъ же отъ перваго дня епископства и до послѣдняго, и св. Григорій всегда со страхомъ помышлялъ о томъ высокомъ званіи, къ какому онъ призванъ, и какого добровольно никакъ не хотѣлъ бы принимать. Слѣды этого смиреннаго и боязливаго отношенія къ епископскому служенію вы видите въ его «*Пастырскомъ Наставленіи*», которое онъ и начинаеть указаніемъ причинъ, заставившихъ его уклониться отъ пастырскаго служенія по поводу

¹⁾ Epistolarum I p. 1. C. IV.

укоризнить, съ какими обращался его другъ Іоаннъ, епископъ равеннскій. Часто, и среди своего епископскаго служенія, онъ готовъ былъ плакать и заливаться слезами Іереміи, когда думалъ о трудностяхъ пастырскаго служенія или читалъ о томъ, чѣмъ Господь угрожаетъ пастырямъ нерадивымъ и недостойнымъ, и потому часто просилъ у своей паствы молиться за него Богу, чтобы Онъ помогъ ему быть достойнымъ дѣлательемъ на нивѣ Господней. ¹⁾ При изъясненіи пророчества Іезекиілева онъ не разъ къ себѣ относитъ грозныя прещенія на недостойныхъ пастырей и съ тономъ жалобы описываетъ то затруднительное состояніе, въ какое его повергли, избравши въ епископы.

Въ исторіи сношеній римскихъ епископовъ съ константинопольскими замѣтныя страницы занимаетъ его переписка съ Іоанномъ, патріархомъ константинопольскимъ и императоромъ Маврикіемъ изъ за названія *вселенскаго*, какое тотъ допускалъ въ своемъ титулѣ. Здѣсь видятъ проблески того духа властолюбія, который, обратившись въ постоянное преданіе римскихъ папъ, повелъ въ послѣдствіи къ замѣчательнымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Но такъ, кажется, обсуживаютъ дѣйствія св. отца съ точки зрѣнія, сводящей въ одну неразрывную цѣпь всю исторію папскихъ сношеній съ другими епископскими кафедрами. Конечно, нельзя не замѣтить нѣкоторой ревности по чести своей кафедры въ хлопотливыхъ обличеніяхъ, съ какими возсталъ противъ почетнаго титула епископа другой кафедры св.

¹⁾ Homilia in Evangelia XVII. Opera omnium divi Gregorii T II. f. 118, 119. 17-я бесѣда св. Григорія на Евангеліе—самая длинная изъ всѣхъ бесѣдъ его на Евангеліе и написана съ большею сердечностію и энергіею, чѣмъ другія; она говоритъ о важности и трудности пастырскаго служенія, полна задушевныхъ увѣщаній, братскихъ обличеній и постоянно возноситъ мысль къ страшной отвѣтственности, какая лежитъ на пастыряхъ, и какая спросится отъ нихъ на страшномъ судѣ. Видно, что это былъ предметъ, самый близкій сердцу и болѣе другихъ тревожившій его епископскіе.

Григоріи. Это было въ порядкѣ вещей при тѣхъ отношеніяхъ, какія существовали тогда между Римомъ и Константинополемъ. Для насъ здѣсь дорого то, что въ замѣчаніяхъ св. Григорія, адресованныхъ въ Константинополь по поводу мнимаго властолюбія тамошняго патріарха, не замѣтно личной отталкивающей гордости, и письма его по этому случаю дышатъ братскимъ миролюбіемъ.¹⁾ Его смиреніе возмутилось было, когда равный ему епископъ называлъ себя вселенскимъ патріархомъ, и когда ему представили въ этомъ стремленіе къ превозношенію предъ другими епископами. Для него были страшны подобныя стремленія; ихъ онъ считалъ несоединимыми съ званіемъ слугителя Божія. Въ томъ былъ внутренній смыслъ душевнаго расположенія, а не одно условное приличіе виѣшняго выраженія, когда св. Григорій называлъ себя *servus servorum Dei*. Будучи самъ смиреннымъ, онъ смѣло могъ выставять на видъ на обсужденіе церкви проявленія чужаго превозношенія, гдѣ только ихъ замѣчали, зная, что судъ церкви не обратится противъ него. А къ этому онъ чувствовалъ себя обязаннымъ по самому своему званію. Размолвка св. Григорія съ константинопольскимъ патріархомъ, какъ извѣстно, уладилась мирнымъ образомъ и не порвала братскаго общенія между епископами. Значительная часть вины такого мирнаго окончанія заключалась именно въ личныхъ расположеніяхъ св. Григорія, чуждыхъ гордости и интриги. Смиреніе не допустило спору выдти изъ границъ мирнаго объема замѣчаній и разъясненій, и тотчасъ же обнаружило готовность къ уступкамъ, когда дѣло предстало предъ нимъ въ своемъ истинномъ свѣтѣ. Будь на мѣстѣ св. Григорія другой болѣе крутой и гордый человѣкъ, не такими

¹⁾ Epistolarum lib. quartus. Maurikio Augusto. C. LXXVI. Eulogio, episcopo Alexandrino, et Anastasio, episc. Antiochen. C. LXXX. Ioanni ep. Constantinopolitano C. LXXXII Op. om. T. II. t. 198—201.

красками изобразила бы исторія столкновение Рима съ Константинополемъ въ это время.

Плодамъ своей дѣятельности св. Григорій не придавалъ большаго значенія, и скромно смотрѣлъ на труды свои. Ему неловко чувствовалось, когда высоко, на ряду съ отеческими писаніями, ставили его литературныя произведенія, и по мѣрѣ возможности онъ поспѣшалъ сдерживать и ограничивать увлеченія въ пользу его сочиненій, если только гдѣ они замѣчались. Напримѣръ его *толкованія на Іова* читались въ церкви Равенской во время богослужебныхъ собраній. Съ конфузомъ оскорбленной скромности онъ дѣластъ упрекъ за то Мариніану, епископу равенскому, стыдится чести, какую воздавали его сочиненію, и проситъ замѣнить чтеніе его книги чтеніемъ какого либо замѣчательнаго произведенія святыхъ отцовъ, напримѣръ толкованій на псалмы блаж. Августина.

Главный нервъ, замѣтно выдающійся во всей жизнедѣятельности св. Григорія Двоеслова—нервъ строгаго аскетическаго настроенія. Съ аскетической точки зрѣнія онъ смотрѣлъ, на науку и на всѣ отрасли человѣческой дѣятельности. Аскетизму хотѣлъ бы жертвовать онъ всѣми другими проявленіями мысли и воли. Монашескіе подвиги способствовали изсушенію его тѣла и онъ налагалъ ихъ на себя, не смотря на немощи слабаго организма. Не могли выдерживать длинныхъ постовъ и молитвенныхъ бдѣній, онъ горюетъ и проситъ людей вѣры и благодати помолиться за него у Бога о ниспосланіи ему силы для выдержанія тѣхъ подвиговъ, къ какимъ стремилась душа его. И какъ хорошо онъ чувствовалъ себя, когда, съ теченіемъ времени, по дѣйствию укрѣпляющей благодати, онъ могъ выдерживать, не изнемогая тѣлесно, тяжелые подвиги поста, молитвы и покаянія, въ подражаніе великимъ прославленнымъ подвижникамъ! Для удовольстворенія своимъ аскетическимъ стремленіямъ, онъ всегда желалъ жить подальше отъ свѣта, развѣ-

челій, суств общественной и заключитьсѣ во внутренній міръ монастырской тишины. Судьба выдвигала его на видныя мѣста, гдѣ для него необходимы были частыя сношенія съ людьми. Но онъ и тутъ создавалъ себѣ положенія, полныя внутренней сосредоточенности, неразвлекаемая излишними свѣтскими хлопотами. Въ Константинополѣ, въ качествѣ папскаго нунція, онъ жилъ въ близи двора, окруженный избраннымъ обществомъ; всѣ заискивали его знакомства; но онъ не поддавался на эти заискиванія и отвѣчалъ на нихъ добродушною осторожностію, сдерживающею желаніе завязать съ нимъ непосредственныя и частыя сношенія. Въ своемъ домѣ онъ любилъ видѣть немногихъ людей, извѣстныхъ ему со стороны своего благочестиваго настроенія, и назидательныя бесѣды съ ними о чудесахъ вѣры и подвигахъ добродѣтели были для него главнымъ развлеченіемъ, какого онъ искалъ и какому съ полною, открытою душою предавался не только въ Константинополѣ, но и въ Римѣ и другихъ мѣстахъ. Когда св. Григорій былъ папою, онъ велъ самую скромную, простую и воздержную жизнь, не смотря на огромныя богатства римской каѳедры и на значительное наследство, полученное имъ отъ своей фамиліи.

Монахи видѣли въ немъ одного изъ своихъ главныхъ покровителей, и для нихъ, для огражденія ихъ блага, онъ готовъ былъ употребить все свое ходатайство и всю свою силу. Не даромъ его называли *отцомъ монаховъ*. Ему пріятно было умножать и улучшать монастыри. Ему хотѣлось, чтобы какъ можно больше людей вступило на спасительный путь аскетическихъ подвиговъ. Въ монастырской жизни онъ видѣлъ главное, несравнимое съ другими средство къ тому, чтобы достигнуть блаженнаго единенія съ Богомъ и заповѣданнаго намъ евангельскаго совершенства. Потому, какъ выражается одинъ нѣмецкій церковный историкъ,¹⁾ онъ весь міръ желалъ бы

¹⁾ Christliche Kirchengesch., von Schröck. Th. XVII. S. 300.

еслибъ то было возможно, превратилъ въ великій монастырь. Для монастырей у него всегда была готовая защита и покровительство. Если они сталкиваются съ гѣмъ нибудь, если отнимаютъ у нихъ какое либо имущество, если тѣснить ихъ епископъ, онъ всегда становится на сторонѣ монаховъ и поддерживаетъ ихъ своею властію. Онъ давалъ инымъ монастырямъ особыя привилегіи (*exemtiones*), по которымъ они освобождались отъ власти епископовъ своей епархіи и становились по отношенію къ нимъ въ независимое положеніе. Въ то время это было новостію, и св. Григорій изъ римскихъ епископовъ едва ли былъ не первымъ раздаятелемъ такихъ привилегій. И независимо отъ этихъ привилегій, онъ не разъ ¹⁾ внушалъ епископамъ не вмѣшиваться безъ нужды въ дѣла монастырей, позволять монахамъ самимъ выбирать себѣ настоятеля, и не причинять имъ никакой обиды. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно опредѣленіе римскаго синода 601 года. Подъ тѣмъ предлогомъ, что многіе монастыри терпятъ притѣсненія отъ епископовъ, св. Григорій въ этомъ опредѣленіи во имя Христа запрещаетъ епископамъ и мірянамъ посягать на доходы и имѣнія монастырскія и ихъ внутреннюю свободу и самостоятельность. Не вмѣшиваясь въ дѣла монастырей, епископъ, по этому опредѣленію, не долженъ былъ совершать въ монастырѣ торжественную литургію, чтобы тѣмъ не подать повода къ излишнему стечію народа, не долженъ былъ вносить туда свою кафедру; и вообще относиться къ монастырю съ распоряженіями епископу указано только по просьбѣ настоятеля, въ полной власти котораго состоятъ всѣ монахи. Присутствующие на соборѣ епископы согласились съ этимъ желаніемъ св. Григорія. Монахи не были клириками по своему званію во времена св. Григорія Двоеслова: монашеское званіе и званіе духовныхъ,

¹⁾ Coen. Lateranense Operum omn. Greg. T II. f. 275.

или клиръ церковный, въ то время не смѣшивались между собою. Но св. Григорій очень желалъ открыть монахамъ доступъ къ разнымъ степенямъ клира, и онъ радовался, когда выбирали кого нибудь изъ монаховъ въ епископы или посвящали въ священники.

Монашеская ревность св. Григорія сильнѣе всего заговорила, когда императоръ Маврикій въ 593 году издалъ указъ, которымъ запрещалось вступать въ монастырь людямъ, состоящимъ въ военной службѣ или занимающимъ гражданскія должности. Въ этомъ указѣ, вынужденномъ обстоятельствами времени, когда многіе поступали въ монастырь для уклоненія отъ тягостей службы, св. Григорій видѣлъ посягательство на свободу совѣсти и насильственное стѣсненіе для духа благочестія. Потому онъ пришелъ въ смущеніе и рѣшился сдѣлать возраженіе противъ справедливости изданнаго указа, въ нарочитомъ почтительномъ письмѣ императору.¹⁾ Въ немъ онъ выставляетъ на видъ императору, что очень многіе никакъ не могутъ спастись предъ Богомъ, если не оставятъ всего въ мірѣ, и что онъ, чувствуя это, не можетъ молчать предъ своимъ господиномъ, будучи поставленъ стражемъ дома Божія, когда слышитъ, что человѣку, разъ вступившему въ военную службу, уже не позволяется служить Господу нашему Иисусу Христу до истеченія срока военной службы, развѣ только по слабости здоровья. Представляя страшный отвѣтъ, какой онъ, приставникъ Божій, долженъ будетъ дать предъ Богомъ, если не будетъ стараться облегчать всѣмъ вѣрнымъ путь ко спасенію, указывая на то, что изъ прежнихъ императоровъ никто не издавалъ такого закона, а прося обстоятельнѣе взвѣсить дѣло, св. Григорій умоляетъ императора отмѣнить или ослабить силу стѣснительнаго для благочестія закона, и свое ходатайство подкрѣпляетъ увѣ-

1) Epist. L. II. Cap. C. Op. omn. T II. f. 188.

реніемъ въ томъ, что воинство земное тѣмъ сильнѣе дѣлается противъ враговъ, чѣмъ больше воинство Божіе возноситъ молитвъ къ Богу.

VIII.

Сообразно съ нравственнымъ, аскетическимъ настроеніемъ св. Григорія опредѣлялся его умственный складъ и строгое, полное глубокой вѣры, направленіе его мысли. Всею душою онъ былъ преданъ высокому ученію христіанскаго откровенія, и въ немъ, въ его принятіи и усвоеніи видѣлъ ту небесную мудрость, которая можетъ украшать земную мысль человѣка. Великія тайны Божіи, высокіе догматы вѣры, предписанія нравственнаго церковно-христіанскаго закона, сказанія о проявленіяхъ чудодѣйственной силы благодати въ подвижникахъ благочестія— все это входило въ его дознаніе изъ готоваго церковнаго преданія, и на все онъ отвѣчалъ сердцемъ, полнымъ непоколебимой вѣры въ то сокровище знаній, какое предлагаетъ св. церковь любящимъ истину. Вездѣ, и въ своихъ дѣйствіяхъ, и въ перепискѣ, и въ сочиненіяхъ, онъ является человекомъ, для котораго одна удовлетворительная премудрость—въ вѣрѣ во Христа, Писаніе, Церковь и толкованія небесныхъ таинъ подвижниками благочестія, и которому самая роскошная языческая ученость кажется, если не буйствомъ, то ничтожествомъ, не заслуживающимъ большаго вниманія со стороны посвященнаго въ тайны откровенія. Пламенная вѣра и любовь его къ христіанской истинѣ ослабляла и подавляла въ немъ всякое уваженіе къ мудрости нехристіанской, языческой. Его строгой вѣрѣ казалось нѣкоторымъ оскорбленіемъ святости и высоты богооткровеннаго ученія признаніе внушающаго уваженіе значенія за тѣмъ, что лежало внѣ христіанской области и стояло къ ней въ непрямомъ или даже враждебномъ отно-

шеніи, и всегда почти являлось ложью, исчезающею предъ истиною христіанства. Пользуясь полнымъ непомерзаемымъ свѣтомъ откровенія, зачѣмъ еще искать ложнаго блеска, на минуту ослѣпляющаго глаза, но не дающаго ни теплоты, ни ясности мысли? Ищутъ свѣта во тьмѣ, но не думаютъ зажигать свѣтъ, когда сіяетъ и свѣтитъ солнце.

Такимъ образомъ въ умственномъ строѣ св. Григорія Двоеслова бросается въ глаза его отрицательное отношеніе къ такъ называемой *свѣтской наукѣ и къ мудрости міра сего*. Черта эта сама по себѣ очень рѣзкая и примѣчательная. Но ее особенно выпукло старались представить позднѣйшіе историки, писавшіе о св. Григоріѣ въ то время, когда свѣтская наука была въ большомъ почетѣ, или когда мысль лучшихъ представителей вѣка занята была примиреніемъ откровенной истины съ истиною разума. Изображая эту черту, не совсѣмъ для нихъ угодную, они бросали густую тѣнь на весь умственный характеръ святаго отца, осуждали его въ узкомъ обскурантизмѣ, называли его фанатикомъ, который, въ излишнемъ увлеченіи ревностью по вѣрѣ, готовъ былъ гнать всякую свѣтскую ученость, не подходившую къ его воззрѣнію, и въ оправданіе своего приговора приводили факты, надъ которыми будто съ недоумѣніемъ должна остановиться просвѣщенная исторія. ¹⁾ Онъ будто такъ нетерпѣлъ языческихъ книгъ и языческой учености, что какъ-то велѣлъ сожечь цѣлую библіотеку языческихъ книгъ. Въ его глазахъ не были достойны уваженія самые лучшіе памятники языческой письменности, и по рассказамъ, записаннымъ въ позднѣйшіе вѣка, онъ велѣлъ бросить въ огонь исторію Ливія за то, что она содержала множество чудесъ, питавшихъ языческое суевѣріе. ²⁾ Подобные рассказы не осно-

¹⁾ Christ. Kgesct. Schröcks. XVI. S. 59. 60. 65—67. Encyclop. theol. par Migne. T. XXI, p. 1427.

²⁾ Dict. hist. et crit. par Bayle, art. Gregoire le Grand.

ваны на непосредственных документахъ, и ихъ нѣтъ въ письменности, современной или близкой по времени къ жизни св. Григорія; они, какъ древнія саги, вносились въ письмена въ XIV, въ XV вѣкѣ (у Іоанна Салисбургійскаго, архіепископа Антонини), и теперь ихъ вѣроятность доказывается только общими соображеніями, выводимыми изъ взгляда и характера изображаемаго нами святаго отца. Въстѣ съ этими разсказами ходили другіе подобныя,¹⁾ будто св. Григорій разрушалъ и ниспровергалъ въ Римѣ древнія триумфальныя арки, статуи и другіе памятники древности языческой. Онъ старался сдѣлать Римъ городомъ, много говорящимъ чувству христіанскаго благочестія, и въ этихъ видахъ, все, отзывавшееся язычествомъ, возбуждавшее не благовѣйную настроенность, а простое удивленіе, онъ хотѣлъ бы закрыть отъ глазъ жителей и посѣтителей Рима. Главнымъ историческимъ свидѣтельствомъ, на которое опираются представляющіе св. Григорія рынымъ гонителемъ свѣтской мудрости и всего языческаго, служитъ письмо²⁾ его къ епископу гальскому Дезидерію. Человѣкъ любознательный и просвѣщенный, Дезидерій интересовался не только духовною, но и свѣтскою литературою и ученостію, и свѣденія свои по разнымъ предметамъ знанія старался сообщать другимъ. Объ учености и просвѣщенной дѣятельности этого епископа ходила молва по всему западно-христіанскому міру. И вотъ дошло до слуха св. Григорія Двоеслова, что Дезидерій, будучи епископомъ, преподаетъ нѣкоторымъ (вѣроятно, духовнымъ лицамъ, или только готовящимся къ духовному званію) грамматику или вообще словесную науку, не принадлежащую къ кругу богословской спеціальности, и обращающую вниманіе своихъ адептовъ на предметы, чуждые христіанскаго благоче-

¹⁾ Chr. Kgesch. Schröcks. T. L. XVI. S. 66.

²⁾ Epist. Greg. liber nonus, cap. XLVIII, op. omni. Gr. T. II, f. 253.

стія. Возмутилась душа св. Григорія отъ этого слуха: онъ считалъ несообразнымъ съ епископскими обязанностями и недостойнымъ епископскаго сана заниматься предметами, малозначительными въ глазахъ строгаго читателя единой священной премудрости Божіей. Св. Григорій обращается къ Деиздерію съ нарочитымъ посланіемъ, и въ немъ выражаетъ глубокую печаль свою, въ какую повергъ его такой неожиданный слухъ, и дѣлаетъ сильное замѣчаніе касательно неприличія и правдивой неловкости (чтобы не сказать, преступности) его поступка. Онъ выставляетъ на видъ то, что нельзя одними и тѣми же устами возносить похвалы Христу и похвалы Юпитеру, и проситъ Деиздерія разсудить, какой тяжкой отвѣтственности подвергаетъ себя и какой соблазнъ подаетъ епископъ, когда принимаетъ на себя то, *что не прилично и благочестивому мірянину*. Св. Григорій не успокоивался, когда люди, близкіе Деиздерію, напримѣръ Кандидъ пресвитеръ, при подробныхъ допросахъ о занятіяхъ галльскаго епископа, показывали, что въ этихъ занятіяхъ нѣтъ ничего, оскорбительнаго для христіанскаго благочестія, и что у Деиздерія нѣтъ пристрастія къ свѣтской литературѣ, которое хоть сколько нибудь заставляло бы его забывать священныя книги христіанскія. Ему слишкомъ ясно представлялись богохульныя хвалы ложнымъ богамъ, которыми наполнена свѣтская языческая письменность, и которыя, по его представленію, не могутъ быть произносимы христіанскими устами, не оскверняя чистаго христіанскаго сердца, и онъ благодарилъ Бога, когда узналъ, что Богъ не допустилъ Деиздерію запятнать свое сердце нечистотою и богохульствомъ языческимъ.

Мы не имѣемъ нужды скрывать эту замѣчательную черту, ясно выдающуюся въ характерѣ св. Григорія. Мы чтимъ въ немъ строгаго ревнителя благочестія, всецѣло погруженнаго въ священную премудрость христіанскую, и признаемъ, что, кромѣ этой премудрости онъ не хотѣлъ искать никакой другой ни для

себя, ни для другихъ, и потому не могъ совѣтовать другимъ заниматься такъ называемою свѣтскою наукою, а напротивъ считалъ нужнымъ отклонять всякаго отъ подобныхъ занятій. Между тѣмъ мы готовы сдержать отъ слова осужденія всякаго, кто бы вздумалъ вмѣнять въ личную безотвѣтную вину нѣкоторыя увлеченія въ отрицаніи значенія свѣтской мудрости. Было въ исторіи христіанской церкви первыхъ вѣковъ примирительное ученое направленіе. Просвѣщенные представители христіанской вѣры и христіанской науки старались иногда указать связь и гармонію между философією и христіанскою догматикою, между знаніемъ и вѣрою, и выискивали пункты соприкосновенія между языческою (естественною) мудростію, и мудростію Божією (откровенною). Такое направленіе вышло главнымъ образомъ изъ знаменитой александрійской школы, которая, подъ вліяніемъ и руководствомъ Климента и Оригена, создала христіанствующую философію. Многочисленные послѣдователи ихъ съ сочувствіемъ смотрѣли на труды языческихъ мудрецовъ, уважали ихъ усилія донскаться истины путемъ разума, и пользовались ихъ мнѣніями для своихъ цѣлей. То было время, когда между язычествомъ и христіанствомъ не положено было рѣзкой непроходимой грани, и языческая мудрость, еще не совѣтъ погасшая, не отказывалась отъ добрыхъ услугъ новой религіи, то давая воспитаніе въ своихъ школахъ молодымъ христіанскимъ умамъ, то посылая отъ себя въ христіанскій лагерь людей, вооруженныхъ всею языческою ученостію, то открывая христіанамъ лучшія страницы, кзкія вышли изъ подъ пера высокихъ мудрецовъ древности. Св. Григорій не могъ сочувствовать такому взгляду, который имѣлъ въ виду объединеніе знанія и вѣры, философіи языческой и христіанства. Теперь были другія времена и онъ жилъ въ такой странѣ, въ которой языческая философія не искала такихъ глубокихъ корней, какъ въ Греціи, и гдѣ историческая память не будила

такихъ теплыхъ симпатій въ древней блестящей творческой учености, какими естественно было увлекаться сердцу грека. Настроеніе св. Григорія не было какою либо оригинальнію, ему одному принадлежащею, и на его отрицательное отношеніе къ свѣтской учености мы не можемъ смотрѣть совершенно одинаково съ тѣмъ, какъ смотримъ на вражду многихъ современныхъ ревнителей чистоты вѣры противъ современной свѣтской науки. Въ вѣкъ св. Григорія Двоеслова и раньше его, оппозиція противъ язычества и языческой мудрости была сильна и широко распространена въ христіанскомъ мірѣ. Она была подготовлена теченіемъ событій, волновавшихъ христіанскій міръ. Язычество пало, потеряло всякое значеніе въ греко-римскомъ мірѣ и представляло изъ себя гніющій трупъ, лишенный души и жизни. Между тѣмъ у всѣхъ на живой памяти была та ожесточенная борьба, какую язычество выдерживало по отношенію къ христіанству, тѣ злобные нападки, какими хотѣло подорвать возникающую и усиливающуюся вѣру упавшее и изнемогавшее язычество; и та гордость, съ какою защитники язычества смотрѣли на новую религію, какъ на религію простыхъ и неученыхъ. И при своемъ паденіи гордая древнею славою языческая мудрость не думала равнять себя съ простотою и невѣжествомъ христіанскимъ, не смотрѣла на мпoжество славныхъ именъ, давшихъ силу и блескъ новой христіанской литературѣ. Между тѣмъ побѣда совершенно была на сторонѣ презираемой язычествомъ вѣры и славная мудрость исчезла предъ простотою вѣры христіанской. Естественно было христіанскому чувству отшатнуться отъ той силы, больной и изнемогшей, которая прежде такъ враждебно относилась къ самой дорогой для него святынѣ, и хотѣла отнять у него это достояніе. Еще не остылъ прежній пылъ увлеченій, возбуждаемыхъ борьбою. Борьба эта была слишкомъ упорна и продолжительна, чтобы христіанство въ немногіе годы могло забыть

тѣ нападки, какими хотѣла сразить его языческая мудрость. И вотъ язычество съ своею мудростію явилось совершенно осужденнымъ предъ лицомъ христіанскаго міра. Языческую мудрость судили по той враждѣ, какую она имѣла къ христіанству, поддерживающему въ себѣ непреложную истину Божию въ своихъ послѣднихъ представителяхъ, и видѣли въ ней отсюда одну ложь, заблужденіе, ничего кромѣ вреда не могущее принести просвѣщенной откровеніемъ мысли христіанина. Сильное впечатлѣніе отъ вражды и явной немочи погибавшей языческой мудрости заставило забыть тѣ добрыя слова, какими блистала языческая философія въ свои цвѣтущіе годы и за какія съ усердіемъ хватались христіанскіе писатели примирительнаго направленія. И вотъ когда носилась въ воздухѣ эпохи между христіанами сильная оппозиція противъ языческой мудрости, недавняго ожесточенія и только что побѣжденнаго врага христіанской истины,— св. Григорій явился однимъ изъ самыхъ яркихъ ея представителей, словомъ и дѣломъ поддерживая ее между тѣми людьми, на которыхъ простиралось его вліяніе.

Мы сказали, что объ отрицательномъ взглядѣ св. Григорія на свѣтскую науку и литературу нельзя судить съ такою строгостію, съ какою судятъ о подобныхъ взглядахъ въ наши дни. Отношеніе св. Григорія къ свѣтской мудрости, имъ не уважаемой и цѣнимой ни во что, не отзывалось жесткостію позднѣйшихъ ревнителей благочестія, поднимавшихъ руку на мудрость міра сего. Свѣтская мудрость, которая вызвала такое пренебреженіе къ себѣ со стороны святаго отца VI вѣка, вся была мудростію *языческою* и по содержанію и по формѣ. Съ язычествомъ же въ то время объявленъ былъ у христіанства разрывъ окончательный: все оттуда вѣяло на благочестивое христіанское чувство враждою и ложью, исчезающею предъ свѣтомъ откровенія. Чисто научнаго элемента, не проникнутаго духомъ враждебнаго язычества, и не покрытаго его одеждою,

почти не представляла тогдашняя школа. Естественным было потому ревнителю чистоты вѣры поднимать свой голосъ противъ чужеродной литературы и науки. И вѣдущая литература и наука возникла на почвѣ христіанства и богата элементами, какіе родственны христіанству по ихъ чистому человѣческому содержанию и по ихъ пропикновению новымъ христіанскимъ міросозерцаніемъ, и какихъ не знало древнее время, не имѣвшее у себя никакой науки, кромѣ науки богословской, и могшее заимствовать свѣтскую мудрость у одного язычества. Много и теперь колючихъ терновъ и зловредныхъ плевелъ на учено-литературномъ полѣ, но изъ за нихъ еще нѣтъ основанія подвергать осужденію цѣлую науку и литературу свѣтскую, въ ея чисто-человѣчскомъ, не языческомъ направленіи, когда здѣсь она предлагаетъ вамъ и богатство содержанія, полезнаго для дѣтей жизни человѣческой, и много духовныхъ нитей, связывающихъ ее съ истинною христіанскою и очищающихъ нравственное чувство человѣка. Мы увѣрены, что еслибы жилъ въ наше время св. Григорій Двоусловъ, онъ былъ бы однимъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей всякой научно-литературной лжи и заносчивости, съ какою незрѣлые умы рѣшаютъ самые тяжелые и непостижимые вопросы, но тѣмъ больше онъ цѣнилъ бы истинное научное богатство, испытанное вѣками и опытами, хотя самъ, по всей вѣроятности, при своемъ аскетически-строгомъ благочестіи, не предался бы ему всею душою, въ ущербъ мудрости Божіей его питавшей и насыщавшей.

Мы ошиблись бы, еслибы на основаніи извѣстнаго намъ строгаго отрицательнаго взгляда св. Григорія на свѣтскую языческую ученость, заключили о незнакомствѣ его съ современною ему наукою. Правда, эта наука въ школахъ его времени была очень скудна и блѣдна: объемъ ея опредѣлялся зародышами наукъ, входившихъ въ такъ называемый въ средніе вѣка *trivium* и *quadrivium*. Но св. Григорій, получившій очень за-

ботливое воспитаніе, на ряду съ лучшими современниками усвоилъ себѣ все, что предлагала любознательности тогдашняя школа. По свидѣтельству Григорія франкскаго,¹⁾ въ грамматикѣ, діалектикѣ и реторикѣ онъ такъ былъ свѣдущъ, что въ Римѣ въ этомъ отношеніи никто не могъ превосходить его. Уваженіе къ его мудрости у его современниковъ и близкаго потомства доходило до благоговѣнія, и это благоговѣйное уваженіе окружало его имя разными чудесами, въ которыхъ естественная сила мысли и духа учителя церкви возвышалась надъ обыкновенною слабостію человѣческой, и онъ представлялся изрекающимъ и разъясняющимъ истину по непосредственному внушенію верховной небесной мудрости. Въ исторіи христіанской письменности имя его всегда ставилось на значительной высотѣ, какъ имя дѣятеля умнаго и просвѣщеннаго, и цѣлыя вѣка онъ былъ одною изъ главныхъ путеводныхъ звѣздъ на западѣ для образующагося юпошества и духовенства, считался покровителемъ школъ и просвѣщенія.

Св. Григорій Двоесловъ не стоялъ ниже своего времени съ своимъ отрицательнымъ взглядомъ на свѣтскую науку и литературу. Напротивъ этимъ взглядомъ онъ засвидѣтельствовалъ свое свѣжее, здоровое чувство, которое умѣло цѣнить вещи, безъ особеннаго предубѣжденія. И онъ не губилъ свой вѣкъ, не отталкивалъ его назадъ, когда настоятельно совѣтовалъ заниматься священной мудростію христіанскаго откровенія и одною этою священою мудростію, а указывалъ ему подлежащую дорогу къ истинному преуспѣянію. Въ самомъ дѣлѣ представьте себя въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ жилъ св. Григорій, и сдѣлайте выборъ. Съ одной стороны хвораая, болѣзненная литература языческая: въ ней не видно ни одного порядочнаго таланта; внутреннее содержаніе ея оказывается для

¹⁾ Hist Eccl. franc. L. X. c. I. f. 480.

новаго времени вполнѣ несостоятельнымъ и она давно потеряла силу созидать цѣльныя и живыя произведенія, и подавляемая судьбою, голосомъ отчаянія шлетъ упреки и проклятія христіанству. Поставьте рядомъ съ нею формальную науку, нашедшую пріютъ въ школахъ: она едва умѣетъ лепетать, кое-какъ играетъ словами и не въ силахъ выяснитъ и передать истину, выходящую за предѣлы формальной реторики или діалектики. Съ другой стороны священная книга откровенія и великое слово христіанской мудрости, раскрытое уже отцами первыхъ пяти, шести вѣковъ: здѣсь рѣшены самыя глубокіе вопросы нашего духа, здѣсь указаны спасительныя пути жизни, здѣсь рассказана вся исторія человѣка, отъ перваго дня и до послѣдняго суда его ожидающаго, и все это съ такою ясностію и простотою, и вмѣстѣ съ такою силою и убѣдительностію, что послѣ школьнаго несвязнаго лепета и послѣ разбитыхъ и противорѣчивыхъ философовъ языческихъ, тутъ какъ бы ожидала сама истина и являлась съ наставленіемъ къ человѣку, какъ образованному, такъ и некнижному. Судите же сами, на какую изъ этихъ двухъ сторонъ склонились бы вы въ положеніи св. Григорія? И не служить ли къ чести просвѣщеннаго ума святаго отца, если онъ всѣмъ своимъ вниманіемъ отдался сторонѣ послѣдней, полной силы, жизни и свѣта, и оставилъ въ пренебреженіи сторону первую, ничего заманчиваго и питательнаго не представлявшую для мысли, ищущей прочнаго удовлетворенія своей любознательности?

Присмотримся ближе къ христіанскому міровоззрѣнію св. Григорія Двоеслова, отмѣтимъ, что по преимуществу занимало его въ христіанствѣ, и укажемъ отсюда нѣкоторыя частныя особенности его христіанствующей мысли.

IX.

Св. Григорій не былъ человѣкомъ теоріи и отвлеченнаго мышленія, и христіанство не теоретическою своею частію главнымъ образомъ занимало его вниманіе. Онъ не имѣлъ стремленія догматизировать и философствовать о высокихъ предметахъ божественнаго міроуправленія, и не было такихъ предметовъ въ широкой области христіанской догматики, которые можно бы было назвать его любимыми предметами, на которыхъ бы онъ останавливался преимущественно своею мыслию. Въ его письмахъ и сочиненіяхъ рѣдко встрѣчаются догматико-теоретическія разсужденія, и если они есть, въ нихъ не видно особеннаго углубленія въ предметъ, и они обыкновенно повторяютъ и разъясняютъ то, что положено и утверждено церковію, безъ всякихъ діалектическихъ тонкостей, довольствуясь простымъ изложеніемъ дѣла. Вѣра христіанская во всемъ ея объемѣ была для св. Григорія—данное, запечатлѣнное Духомъ Божиимъ, утвержденное и раскрытое вѣками или почитаемыми имъ отцами первыхъ вѣковъ. Авторитетъ ея для него былъ святынею, предъ которою неумѣстны колебанія мысли и излишнія разглагольствія. Къ голосу церкви, къ принятымъ правиламъ вѣры онъ относился съ покорностію самаго послушнаго сына церкви. Онъ трактовалъ на примѣръ въ письмахъ¹⁾ о трехъ главахъ, составлявшихъ предметъ сужденій пятаго вселенскаго собора. Но это по случайному поводу и запросу со стороны епископовъ испанскихъ, и самая трактация, вызванная со внѣ, вовсе не имѣетъ въ себѣ логическаго разъясненія дѣла; авторъ не ищетъ какихъ либо особыхъ убѣдительныхъ доказательствъ въ защиту опредѣленій собора, осудившаго эти главы, а положительно и кратко высказываетъ свое твердое убѣжденіе,

¹⁾ Epistolarum liber II. Cap. I. Operum omn. Greg. T. II f. 181.

приплато отъ церкви; для разсѣянiя же разпыхъ сомнѣнiй посылать къ епископамъ, обратившимся къ нему съ запросомъ, книгу объ этомъ предметѣ своего предшественника Пелагiа, уже до него вполнѣ удовлетворительно раскрывшаго не уясненное для нихъ дѣло. Мы не напрасно вносимъ въ своей очеркъ эту частность: она характеризуетъ манеру, съ какою вообще мысль св. Григорiа Двоеслова относилась къ догматическимъ вопросамъ. Сила преданiя и авторитета для него все опредѣляла, и на силу логики онъ не возлагалъ большого довѣрiя, и потому не на нее хотѣлъ опираться главнымъ образомъ въ своихъ вѣрованiяхъ и убѣжденiяхъ. Въ этомъ отношенiи замѣтна слишкомъ рѣзкая разница между нимъ и греческими отцами, напримѣръ Аѳанасiемъ Александрiйскимъ, Григорiемъ Богословомъ, Василиемъ Великимъ и другими. У греческихъ отцовъ вы дивитесь не только твердости вѣры и ясности пониманiя христіанскихъ истинъ, но и силѣ мысли, смѣло идущей среди лабиринта самыхъ запутанныхъ діалектическихъ сплетенiй и изворотовъ, — возвышенности созерцанiя, съ какимъ-то особеннымъ наслажденiемъ любившаго летать среди безконечной области божественныхъ таинъ. У св. Григорiа Двоеслова натура римская, практическая: онъ не ведетъ своего читателя или слушателя къ истинѣ сноровъ рядъ логическихъ доводовъ и заключенiй; онъ не принимаетъ на себя трудъ, излагая дѣло, бороться со всѣми, встрѣчающимися на пути, возраженiями, — онъ не уноситъ васъ въ превыспреннiя сферы для созерцанiя небесныхъ, премірныхъ вещей. Онъ постоянно стоитъ на землѣ съ своими читателями и указываетъ или рассказываетъ имъ языкомъ вѣрующаго практическаго человѣка то, что ученiе церкви положило ему на сердце. Спорилъ онъ въ Константинополѣ о состоянiи и качествахъ воскресшихъ тѣлъ, часто обращался своимъ взоромъ къ будущимъ временамъ, насъ ожидающимъ, — временамъ послѣдняго суда и воздалiя всѣмъ за

дѣла земной жизни. Это заключительное слово христіанской догматики болѣе тревожило его мысль, чѣмъ другіе предметы, составлявшіе начало и зерно христіанскаго вѣроученія. Но Богу не угодно было раскрыть намъ съ ясностію послѣднихъ судьбъ нашихъ, и сами по себѣ онѣ представляютъ предметъ, мало поддающійся нашему разсужденію. Если гдѣ, то здѣсь намъ заповѣдапо ходить вѣрою, а не видѣніемъ. Св. Григорій Двоесловъ чувствовалъ здѣсь себя въ своей стихіи, и вѣра его побуждала незаконныя вторженія въ эту область логическихъ соображеній, основывавшихся на произвольныхъ и чуждыхъ христіанству началахъ.

Теоретическія воззрѣнія св. Григорія Двоеслова не выразились въ его сочиненіяхъ связною и цѣльною системою. У него нѣтъ производсній, гдѣ бы съ строгою опредѣленною мыслию высказывалась сущность его міросозерцанія въ возможной полнотѣ, или по крайней мѣрѣ въ полной системѣ обсуждался одинъ извѣстный теоретическій предметъ. Связь всѣхъ его вѣрованій и убѣжденій, условливавшая единство ихъ характера, лежала не въ субъективной, а въ объективной сферѣ. Покоясь своимъ сознаніемъ на богопреданномъ ученіи церкви, онъ принималъ его съ полною вѣрою, но не считалъ нужнымъ подвергать его переработкѣ анализирующей и синтезирующей мысли, какъ дѣлаетъ то философская голова. Въ его сознаніи всплываютъ паружу и выражаются въ словѣ, по требованію обстоятельствъ, частныя отрывочныя истины вѣры, которыя подъ его перомъ не вырастаютъ въ систематическіе трактаты, а всегда болѣе или менѣе сохраняютъ свой афористическій характеръ.

Къ св. Писанію примыкаютъ главныя изъ его сочиненій гдѣ представлялась ему возможность разсуждать о важнѣйшихъ истинахъ вѣры и сознанія, и изъ св. Писанія возникаютъ, какъ изъ своего корня, въ видѣ толкованія и изъясненія. Мысль

его, привязывая къ своему основанію, не возвышается до обобщенія цѣлаго содержанія разясняемой книги, и не доходитъ до опредѣленія главной мысли, чрезъ нее проходящей, и общаго духа, ею передаваемого. Онъ съ перваго же приступа къ ней раздробляетъ ее на отдѣльныя мысли, толкуетъ порознь частныя слова и отдѣльныя стихи, и изъ каждаго положенія выводитъ заключение, которое болышю частію стоитъ только само за себя и не имѣетъ прямого и непосредственнаго соотношенія съ другими, предыдущими и послѣдующими, заключеніями, выводимыми изъ словъ св. Писанія.

Отсутствіе систематичности или органической связи между воззрѣніями и сужденіями св. Григорія Двоеслова, замѣчаемое въ его сочиненіяхъ, мы не ставимъ ему въ вину, какъ существенный недостатокъ. И при этой отрывочности изложенія, такую мы видимъ особенно въ сочиненіяхъ, непосредственно примыкающихъ къ той или другой книгѣ св. Писанія, можно высказать много свѣтлаго и плодотворнаго. На длинной нити, тянущейся по тексту св. книги, легко можно пализатъ много дорогаго бисера, и не безъ причины, конечно, благочестивые представители многихъ поколѣній искали себѣ назиданія въ твореніяхъ святаго отца, нами воспоминаемаго. Притомъ эта черта встрѣчается и у другихъ писателей церкви, когда они изясняютъ и толкуютъ священные книги, хотя, можетъ быть, не въ такой мѣрѣ, какъ у св. Григорія Двоеслова. Не заботясь объ органическомъ развитіи своихъ мыслей, св. Григорій допускалъ часто излишнюю свободу въ сопоставленіи ихъ. Когда мы говоримъ это, мы имѣемъ въ виду способъ употребленія у него въ сочиненіяхъ аллегоріи, этого давняго и общаго средства толкованія писанія. Аллегорія у святаго Григорія Богослова не имѣетъ глубины и основательно-

сти: она не уносит насъ также въ сферу возвышенныхъ воззрѣній, на основаніи символическаго сближенія поставляемыхъ рядомъ съ простымъ буквальнымъ смысломъ священнаго текста, и выросшихъ въ цѣльный организмъ. Она довольно поверхностно скользитъ по буквѣ писанія, и не увлекаетъ за собою мыслящаго духа, какъ можетъ увлекать глубокомысленная аллегорія Оригена и его даровитыхъ послѣдователей, указывающая собою на цѣлое философско-христіанское міровоззрѣніе. А главное, между внѣшнимъ и внутреннимъ смысломъ, указываемымъ аллегоріею св. Григорія Двоеслова, его мысль часто совершенно не старается указать и развить какое либо близкое отношеніе, и стоятъ они другъ подлѣ друга какъ два незнакомца, случайнымъ и неожиданнымъ образомъ сошедшіеся между собою. Преосвящ. Филаретъ, архіепископъ черниговскій, въ своемъ *»Историческомъ Ученіи объ отцахъ церкви,«*¹⁾ показывая поверхностность методы толкованія священнаго писанія святаго Григорія Двоеслова, приводитъ въ примѣръ произвольныхъ аллегорическихъ сближеній причудливыя изъясненія книги Іова. »Принимая Іова за образъ страждущаго Спасителя, говоритъ ученый авторъ *»Историческаго Ученія объ отцахъ церкви,«* въ женѣ Іова св. Григорій Двоесловъ видитъ образъ преобладающей похоти, въ друзьяхъ утѣшителяхъ — еретиковъ, въ 7 сынахъ — 7 даровъ Духа Святаго.« Подобныхъ примѣровъ изъясненія довольно можно найти въ толкованіяхъ не только на книги Ветхаго Завѣта, служащаго предъизображеніемъ событій новозавѣтныхъ, но и на ясное, прямо

¹⁾ Т. III, стр. 148.

раскрывающее истину, слово Евангелія. Говоритъ онъ напри-
мѣръ объ исцѣленіи іерихонскаго слѣпца,¹⁾ и чудо Спасителя
окружаетъ особымъ символическимъ смысломъ. Слепецъ, про-
сящій у Господа помилованія, въ бесѣдѣ св. Григорія яв-
ляется символомъ рода человѣческаго, ищущаго исцѣленія.
Предшествующіе Спасителю и возбранявшіе слѣпцу кричать къ
Господу—наши плотскія пожеланія. Іерихонъ—наша плотская
помощь, ночный сумракъ, обнимающій нашу смертность. При-
ближается Господь къ Іерихону, припимаетъ на себя Его Бо-
жество недостатки нашей плоти, и слѣпецъ прозрѣваетъ, че-
ловѣкъ возвышается къ божественному и снова наслаждается
свѣтомъ, который прежде потерялъ. Изъясняетъ онъ притчу²⁾
о талантахъ, и пять талантовъ у него означаютъ пять виѣш-
нихъ чувствъ, два таланта—силу разумѣнія и силу дѣйствія,
одинъ талантъ—силу разумѣнія, не соединенную съ дѣйстви-
ваніемъ, т. е., не сопровождающую добрыхъ сужденій добрыми
дѣлами. По этому изъясненію выходитъ—и это признастъ самъ
Григорій Двоесловъ—что получившій отъ Бога пять талантовъ
меньше получилъ и имѣетъ, чѣмъ получившій только два. Со-
средоточиваетъ вниманіе св. Григорій Двоесловъ³⁾ на словахъ
Спасителя: кто мать моя и братья мои? и отвѣчаетъ, что мать
и братья Его, и вообще плотскіе родственники—это іудеи,
стоящая виѣ (царствія Божія),—это синагога, блюдущая за-
конъ и потерявшая внутренній смыслъ его. Говоритъ⁴⁾ онъ о
двухъ ученикахъ Петрѣ и Іоаннѣ, пришедшихъ ко гробу Спа-
сителя въ день его воскресенія, и Іоаннѣ, прежде пришедшій
ко гробу, но не вошедшій внутрь пещеры, и *прямо устроившій*

¹⁾ Operum omnium Greg. T. II. f. 107. Homil. in Evangelia II.

²⁾ Homilia IX. f. 111—112.

³⁾ Oper. omn. Greg. T. II. f. 107. Hom. in Evang. 111

⁴⁾ Homil. in Evang. XXXII, f. 124.

у него означаетъ свагогу, а Петръ, пришедшій послѣ Іоанна, но прежде него проникшій во внутренность ея, и вышедшій изъ нея съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, — христіанскую церковь. Подобныя изъясненія въ сочиненіяхъ св. Григорія Двоеслова представляются мало мотивированными, и являясь часто ex abrupto, поражаютъ читателя своею неожиданностію. Св. Григорій Двоесловъ самъ иногда подрываетъ вѣру въ логическую силу своихъ аллегорическихъ объясненій. Не разъ, указавши символическій смыслъ какого либо мѣста писанія, онъ дѣлаетъ оговорку, что *это можно объяснять* иначе и рядомъ съ однимъ объясненіемъ предмета ставить другое, нисколько его не подтверждающее, и своимъ значеніемъ ослабляющее силу перваго объясненія. Что хотѣлъ выразить св. Іоаннъ Креститель словами: *я недостойнъ разрѣшить ремень сапоговъ Ею* (Спасителя І. Христа)? Приступая къ объясненію этого,¹⁾ св. Григорій Двоесловъ упоминаетъ о древнемъ законѣ ужичества, по которому женихъ, не желавшій взять себѣ въ супругу родственницы вдовы, объявлявшей на него притязаніе, долженъ былъ подвергнуться нѣкоторому безчестію, и между прочимъ разрѣшить ремень ея сандалій. Признавая себя недостойнымъ разрѣшить ремень сапоговъ Господа, св. Іоаннъ Предтеча свидѣтельствуемъ тѣмъ, что онъ не женихъ и не можетъ посягать на званіе жениха. *Имѣя невѣсту, женихъ есть*, и этимъ женихомъ церкви служитъ одинъ Господь Іисусъ Христосъ. Въ сближеніи много естественнаго, если проводить его по всей широтѣ представляемой вещи, и Господу Іисусу Христу никакъ не пристало имя жениха, желавшаго отвязаться отъ исполненія закона ужичества и представляющей на него свои права жены умершаго брата, и для того рѣшавшагося подвергать себя публичному безчестію. Но мысль св. Григорія довольствовалась одной

1) Op. omni Greg. T. II. f. 110. Hom. in Evang. VII.

чертой для проведенія параллели и какъ бы забывала о несообразностяхъ, какія открылись бы ей, если бы она представляла дѣло разомъ во всей широтѣ его подробностей. Для ней имѣло значеніе представленіе, возникшее по какому либо поводу или вышшему основанію, а не его развитіе и утвержденіе. Высказавши упомянутое нами разъясненіе словъ св. Іоанна Крестителя, св. Григорій Двоесловъ замѣчаетъ, что *это впрочемъ можно разумѣть иначе*. И тутъ у него является указаніе на то, что обувь дѣлается изъ кожи мертвыхъ животныхъ. На этомъ основаніи обуваніе Господа, по мысли св. Григорія, означаетъ Его воплощеніе, т. е., принятіе въ Его божество нашей смертности или нашей смертной природы. Но въ тайну этого воплощенія Божества не можетъ проникнуть глазъ человѣческій. Разрѣшеніе сапоговъ въ этомъ случаѣ есть разгадка. Исповѣдавши себя недостойнымъ разрѣшить ремень сапоговъ Спасителя, св. Іоаннъ Креститель тѣмъ открыто и смиренно призналъ свое незнаніе по отношенію къ тайнѣ воплощенія Божія и ея непостижимость. — Едва ли нужно доказывать натянутость этого разъясненія и его неладное отношеніе къ первому разъясненію. Дѣло видно съ перваго раза, и метода, какою пользуется въ своихъ сужденіяхъ и разъясненіяхъ св. Григорій Двоесловъ, легко вынаруживаетъ здѣсь свою особенность. Мы могли бы указать еще нѣсколько примѣровъ раздвоенія мысли св. Григорія, не всегда твердой въ своихъ рѣшеніяхъ и возрѣніяхъ, и колеблющейся на разныя стороны при объясненіяхъ теоретическихъ предметовъ. Но мы, по предположенію, должны будемъ войти въ большія подробности еще впоследствии, когда придется намъ говорить въ частности о проповѣдническихъ трудахъ святаго отца, и предоставляемъ себѣ въ этой спеціальной части дополнить сдѣланные нами пропуски и нагляднѣе оживить умственную характеристику замѣчательнаго писателя и отца церкви.

X.

Сила св. Григорія Двоеслова въ нравственнотъ элементѣ, и главное направленіе, по которому ходить настроена была его мысль, лежитъ въ области практической нравственной дѣятельности. Область теоріи холодна и чужда была для его теплой души, и потому здѣсь онъ говоритъ какъ бы съ чужаго голоса, и не любитъ долго оставаться на пути теоретическихъ изслѣдованій и догматическихъ толкованій. Но когда его слово касается жизни, нравственной святости, подвиговъ добродѣтели и тяжести грѣха и осужденія за грѣхъ,—оно является свободнѣе, сильнѣе и энергичнѣе. Вы видите здѣсь святаго отца какъ бы у себя дома, и замѣчаете, что онъ говоритъ то, что у него глубоко залегло на сердцѣ и сильно прочувствовано имъ. Слова писанія, изъясняемыя св. Григоріемъ въ его бесѣдахъ, своимъ характеромъ и содержаніемъ часто должны были настраивать его мысль на теоретическій складъ, и аллегорія, средство толкованія писанія, наслѣдованное имъ отъ отцовъ, казалось, должна была усиливать это настроеніе. Между тѣмъ, и при частомъ употребленіи аллегоріи, у св. Григорія созерцательный тонъ совершенно почти не слышится въ его сочиненіяхъ. Этотъ тонъ заглушается тѣми нравственными аккордами, которые составляютъ главное содержаніе его чувства и сознанія. Начавши теоріею какую либо бесѣду, по указанію писанія, святой отецъ скорѣе спѣшитъ оставить ее, чтобы высказать свои нравственные начала и убѣжденія, и часто насильно наклоняетъ къ тому разъясняемый имъ священный текстъ. Какъ бесѣды св. Григорія Двоеслова, такъ и все его авторство по преимуществу нравственнаго характера. »*Впруй, какъ предали отцы*«—это правило предполагаютъ собою сочиненія св. Григорія, но онъ на немъ не настаиваетъ, какъ на правилѣ, всѣмъ извѣстномъ и

всѣми принимаемомъ. Главное дѣло у него — святая жизнь, борьба съ плотскими пожеланіями и земными страстями. Его болѣе всего тревожить и смущаетъ то, что люди живутъ не такъ, какъ требуетъ евангельскій законъ, — погружены совершенно въ житейскія занятія, предаются пустымъ утѣхамъ и удовольствіямъ, работаютъ своему чреву и своей гордости, гонятся за корыстію и т. п., о благѣ и нуждахъ ближнихъ мало думаютъ и рѣдко вспоминаютъ. Отсюда его частыя и настоячивыя увѣщанія и обличенія; отсюда постоянное сосредоточеніе мысли на нравственномъ долгѣ, на необходимости воплощенія его въ своей жизни и дѣятельности. Одно главное побужденіе, которое предъ мыслию св. Григорія имѣетъ слишкомъ тяжеловѣсное значеніе, и которымъ онъ силится покорить своему слову легкомысленную совѣсть своихъ слушателей, — это страхъ будущаго суда, на которомъ каждый изъ насъ долженъ дать отвѣтъ предъ Богомъ за все, что только дѣлали мы въ жизни, страхъ будущаго наказанія, имѣющаго постигнуть грѣшниковъ. Неизвѣстность смертнаго часа, послѣ котораго нѣтъ возврата къ жизни для принесенія покаянія, еще болѣе должна усиливать этотъ страхъ, и побуждать насъ заблаговременно думать о своей будущности и объ очищеніи своей души. Указаніе на эти побужденія къ нравственному самоулучшенію слишкомъ часто встрѣчаются въ бесѣдахъ св. Григорія; ими обыкновенно онъ подкрѣпляетъ свои нравственные увѣщанія.

Много аскетической строгости въ правоучительномъ словѣ св. Григорія Двоеслова. Онъ проповѣдуетъ не только нравственную чистоту, но и усиленное монашеское подвижничество, доступное не для всѣхъ. На міръ, на его удовольствія и радости онъ смотритъ съ мрачной аскетической точки зрѣнія, и потому совѣтуетъ всѣмъ, для достиженія будущаго блаженства, *отреченіе отъ міра* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. По его представленію, всѣ земныя удовольствія

опасны и гибельны для здоровья души, и страданіями отзо-
вутся они въ послѣдствіи. Потому бѣжать отъ нихъ долженъ
кто дорожить спасеніемъ своей души. *Горе смѣющимся нынѣ*;
потому что *они восплачутъ и возрыдають*,—такая мысль даетъ
основой тонъ всему воззрѣнію св. Григорія Двоеслова и его
правоучительному слову. Это весьма естественно было со сто-
роны человѣка, у котораго постоянно предъ глазами были смерть
и близкій будущій судъ, и который всею душою былъ преданъ
монастырскому подвижничеству, уединенію и молитвѣ. Опъ съ
скорбнымъ чувствомъ относился къ жизни, тяготился тѣмъ, что
его извели изъ любезнаго ему монастырскаго уединенія на
шумное поприще общественной дѣятельности,—и только издали
мерцала ему надежда, которая впрочемъ не отгоняла совер-
шенно опасенія и страха за будущее.

XI.

Направленіе св. Григорія Двоеслова, въ связи съ на-
правленіемъ его вѣка, можетъ быть дорисовано еще одною замѣ-
чательною чертою, нашедшею себѣ яркое выраженіе въ его зна-
менитыхъ *Діалогахъ*, давшихъ ему названіе Двоеслова.

Вѣкъ св. Григорія Двоеслова былъ вѣкъ набожный и вѣ-
рующій во все, относящееся къ святости и благочестію, съ про-
стотою открытой души. Эта простота вѣры, конечно, похваль-
ная сама по себѣ, не разъ переступала свои законныя гра-
ницы, доходила до легковѣрія и застѣнялась туманомъ суевѣрія.
Логическое образованіе было скудно и рѣдко на западѣ того
времени, при недостаткѣ и мелочности школъ, при бурныхъ
смятеніяхъ и неурядицахъ. Народъ жилъ и руководился
больше воображеніемъ и чувствомъ, чѣмъ сухою критическою
мыслію. При этомъ настроеніи особенное значеніе для него по-

лучали внѣшніе знаки религіозной святости или тѣ достопамятные внѣшніе предметы, которые освящены были благодатію Божіею и остались въ наслѣдіе потомству отъ нашего Спасителя, Божіей матери и святыхъ угодниковъ Божіихъ. Къ этимъ вещамъ простое набожное чувство имѣло особенное благоговѣніе; въ нихъ оно цѣнило святость божественной силы, имъ прикасавшейся, и само думало освятиться чрезъ прикосновеніе къ нимъ. Отъ царственныхъ особъ и вельможъ до простолюдиновъ всѣ дышали въ этомъ случаѣ однимъ и тѣмъ же духомъ, и кто имѣлъ средства, старался приобрѣтать себѣ тѣ или другіе священные остатки апостоловъ, мучениковъ и святыхъ, считая ихъ защитою отъ всѣхъ опасностей міра. Такое благоговѣйное почитаніе святости церковной могло имѣть своимъ источникомъ только чистыя душевныя расположенія. Оно свидѣтельствовало о сильномъ развитіи религіозности въ обществѣ. Но при недостаткѣ просвѣщенія, здѣсь открывался большой просторъ разливу суевѣрія и обману, и въ рядъ священныхъ предметовъ у многихъ попадали такіе, которые, имѣя псизвѣстное происхожденіе, давали другимъ болѣе просвѣщеннымъ вѣкамъ поводъ соблазняться легковѣріемъ невѣжества и осуждать неправильное направленіе религіознаго чувства вмѣсто того, чтобы цѣнить въ немъ усиленное стремленіе къ святости, которой явно недоставало жизни. — Вмѣстѣ съ этимъ чрезмѣрнымъ почитаніемъ внѣшней святости, свидѣтельствующимъ объ усиленномъ стремленіи къ самоосвященію, соединялась любовь къ сказаніямъ о чудесахъ, о необыкновенныхъ подвигахъ и силахъ, какими отличались представители христіанскаго аскетизма, о разныхъ явленіяхъ изъ міра духовнаго и т. п. Въ смутное, безпокойное и тяжелое время, чреватое постоянными грозами и бурями, естественная жизнь покрыта была сумракомъ; въ ней страшно и больно было оставаться свѣжему человѣку; привлечательныя силы ея прятались отъ глазъ человѣка, и онъ шелъ

въ пустыни и монастыри искать себѣ спокойствія и защиты отъ угрожающихъ бѣдствій. Мысль народа, подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, отвратила свои взоры отъ обыденной естественной жизни среди городовъ, селъ и деревень; она устремилась всѣмъ своимъ вниманіемъ въ новый духовный міръ, который искалъ себѣ мѣста и пріюта гдѣ нибудь въ уединеніи, и, еслибы можно было, унесся бы за границы этой земли, представлявшей ему одни соблазны, угрозы и бѣдствія. Въ этомъ мірѣ больше было духа, чѣмъ плоти, по крайней мѣрѣ должно было быть, по первоначальному стремленію, его создавшему и вызвавшему. Онъ самъ долженъ былъ содержать въ себѣ нѣчто выше-естественное: ему не зачѣмъ было бы и являться, еслибы онъ былъ повтореніемъ обыденной общественности. Съ этой точки зрѣнія смотрѣли на него всѣ, кто вступалъ съ нимъ въ такое или въ иное соприкосновеніе. И вотъ въ этомъ мірѣ главною дѣйствующею силою является небесная благодать, и люди половиною своего существа возвышаются надъ землею и тѣмъ освобождаются отъ рабской зависимости отъ ея законовъ. На мѣсто естественныхъ причинъ явленій становятся новыя, сверхъ естественныя; самыя явленія получаютъ возвышенный, необыкновенный видъ, и земля съ своею постылою скучною жизнью теряется изъ глазъ, унесшихся въ сферу новую, духовную и возвышенную. Много людей выдается изъ ряда обыкновенной толпы своимъ строго-добродѣтельнымъ, аскетическимъ духомъ. Воображеніе, руководившее воззрѣніями вѣка, окружаетъ ихъ дѣла и событія ихъ жизни блестящимъ орсоломъ святости, въ которомъ не видно плотской брѣнности, и сияютъ неземныя, выше-естественныя свойства. Народная молва съ жадностію устремляется за богатымъ матеріаломъ сказаній, такъ ей пріятныхъ и такъ соотвѣтственныхъ ея настроенію. Сказанія растутъ, украшаются и возвышаютъ своимъ содержаніемъ въ умахъ народа силу вѣры, силу добродѣтели и силу всепобѣждающей бла-

годати. Для нея нѣтъ легенды въ самыхъ поэтическихъ вставкахъ въ житіе такого или иного подвижника; для нея все одна историческая истина; потому что во все онъ вѣруеть съ безусловнымъ удивленіемъ и всецѣлою покорностію, не имѣя даже помышленія о возможности какихъ либо сомнѣній и недоумѣній по отношенію къ чудесному разсказу о чудесномъ событіи. Здѣсь плодovitое начало направленія, которое пошло, и въ даль и въ ширь, по вѣкамъ и странамъ, дѣлая міръ легендъ главнымъ предметомъ народнаго вииманія и народной памяти.

Въ какомъ отношеніи къ указанному направленію стоялъ св. Григорій Двоесловъ?

Народная молва не подавляла его своимъ разнообразнымъ матеріаломъ. Владѣя просвѣщеніемъ болѣе другихъ современниковъ, онъ явно возвышался надъ толпою, которая не знала различія между вѣрою и суевѣріемъ, и сильно вѣрила каждому слову, до нея доходившему, если въ этомъ словѣ вѣялъ духъ, напоминающій ей о святинѣ и благочестіи. Между тѣмъ все въ строеніи мысли и душевной дѣятельности онъ преданъ былъ тѣмъ предметамъ, которые служили источнымъ началомъ благочестивыхъ сказаній, и ими питалъ свою благодатную душу. Въ этомъ отношеніи онъ сынъ своего времени, стоявшій напередѣ другихъ въ уваженіи къ внѣшней святинѣ, въ благоговѣйномъ почтеніи къ остаткамъ блаженныхъ людей, въ любви къ разсказамъ о чудесныхъ видѣніяхъ и необыкновенныхъ подвигахъ аскетовъ, посвятившихъ себя на служеніе Господу, и въ чувствѣ вѣры въ обиліе чудодѣйственной духовной силы, дѣйствующей въ церкви чрезъ одушевленные и неодушевленные сосуды.

Тяжело было жить св. Григорію среди условій и заботъ общественныхъ, и онъ всегда съ нетерпѣніемъ желалъ укрыться въ какомъ либо монастырскомъ уединеніи, гдѣ бы ему вдоволь

можно было предаться всѣмъ подвигамъ самоумерщвленія плоти и возвышенія духа. Тяжело было и его мысли вращаться среди естественной сферы обыденныхъ явленій, гдѣ все такъ мелко, пусто и нетвердо. Когда его желаніе стремилось въ пустыню, гдѣ подвизаются угодники Божіи, живущіе больше духомъ, чѣмъ плотію,—за нимъ устремляется и его сознаніе, и въ немъ отображается міръ аскетизма, со всѣми его необыкновенными и чудесными явленіями. Въ этомъ мірѣ побѣждены естественныя страсти; подвижникъ вступаетъ въ общеніе съ духовнымъ міромъ, и опираясь на помощь благодати и добрыхъ ангеловъ, борется съ діаволомъ и его клеветами. Мысль, какъ бы отпавнувшаая отъ внѣшней природы, сосредоточивается на внутреннемъ, духовномъ мірѣ, и тутъ открывается способность видѣній и небесныхъ созерцаній. Благодать, льющаяся изобильно, совершаетъ много чудесъ, въ назиданіе подвизающимся, въ ободреніе колеблющимся и въ обличеніе надшимъ. Созерцаніемъ такого міра любило питаться благочестивое сознаніе св. Григорія Двоеслова, не находившее достойныхъ для себя предметовъ среди обыденной дѣйствительности, и его нравственно-аскетическіе порывы здѣсь находили себѣ идеальное удовлетвореніе. А любвеобильная душа стремилась подѣлиться своими приобрѣтеніями, получаемыми отъ созерцанія чудеснаго міра, съ людьми подобныхъ стремленій, и въ тоже время увлечь къ сильному подражанію великимъ дѣятелямъ добродѣтели развлеченныхъ суетами житейскими и ослабѣвающихъ на пути нравственнаго самоусовершенія.

Такое настроеніе св. Григорія Двоеслова ясно отразилось въ его *Разговорахъ* съ діакономъ Петромъ *о жизни и чудесахъ италійскихъ отцевъ*. Св. Григорій самъ даетъ намъ ключъ къ уясненію внутренняго направленія своего сознанія въ предиди-

*

словіи къ этому сочиненію ¹⁾ показывая обстоятельства ея происхожденія. Однажды, (говорить онъ) утомленный докучливою навязчивостію нѣкоторыхъ людей, думающихъ искать у насъ совѣтовъ и рѣшенія для своихъ житейскихъ заботъ (что извѣстно, вовсе не наше дѣло), удалился я въ уединенное мѣсто, чтобы на свободѣ поразмыслить о томъ, что въ моихъ занятіяхъ есть для меня непріятнаго, и оживить въ воспоминаніи всѣ дѣла и заботы, которыя поражали меня печалію. Когда я тамъ сидѣлъ въ сильномъ смущеніи и долгомъ глубокомъ молчаніи, подлѣ меня былъ возлюбленный сынъ мой Петръ діаконъ, другъ мой съ первыхъ дней моей юности и товарищъ въ занятіяхъ моихъ свящ. Писаніемъ. Видя мою глубокою скорбь, онъ спросилъ меня: не случилось ли чего нибудь новаго особеннаго, что я скорблю болѣе обыкновеннаго? Я отвѣчалъ ему: у меня—скорбь, которую я терплю каждый день: она для меня скорбь старая, отъ частаго навѣщанія моей души обратившаяся въ привычку, и въ тоже время новая, потому что каждый день все болѣе и болѣе усиливается. Несчастливая душа моя, безпокоимая чуждыми занятіями, воспоминаетъ, какою она была когда-то въ монастырѣ, какъ возвышалась надъ всѣмъ суетнымъ и тлѣннымъ, и ни о чемъ не помышляла кромѣ небеснаго; какъ свободно выходила изъ темницы тѣла для созерцанія, какъ желала смерти, которой всѣ боятся, какъ наказанія, любя въ ней дверь къ жизни и награду за трудъ. А теперь, по случаю пастырской обязанности, она обременена дѣлами людей свѣтскихъ и послѣ такого прекраснаго времени своего покоя покрыта прахомъ земныхъ суетъ. Разсѣявшись вся, она сдѣлалась слабѣе въ своей внутренней области. И такъ я взвѣшивая то, что я терплю, взвѣшиваю то, что потерялъ. И когда смотрю на то, что потерялъ, для меня тяжелѣе дѣлается то, что сношу. Вотъ

¹⁾ *Opusculum omnium divi Greg. T. II. f. 20.*

я плыву по волнамъ великаго моря, оставивши позади себя спокойный и твердый берегъ. И что особенно тяжело, такъ это то, что я едва могу видѣть пристань, которую оставилъ, когда ношусь въ смущеніи по бурнымъ волнамъ. Ибо таково паденіе ума, что онъ, послѣ потери блага, имъ обладаемаго, съ теченіемъ времени забываетъ то, что когда-то потерялъ, и дѣлается неспособнымъ уже и памятью представлять то, чѣмъ прежде владѣлъ на самомъ дѣлѣ. Когда плывемъ дальше, уже не видимъ спокойной пристани, нами оставленной. Къ усиленію моей печали присоединяется то, что мнѣ часто приходитъ на память жизнь святыхъ людей, которые всецѣло оставили настоящій міръ. И когда смотрю я на ихъ возвышеніе, съ большею горестью сознаю, какъ низко я самъ лежу.»

Петръ возразилъ св. Григорію, что онъ знаетъ о комъ онъ говоритъ. « Я не сомнѣваюсь, (замѣтилъ онъ), что въ этой странѣ были добрые мужи, но не слыхалъ, чтобы въ ней были люди, отличавшіеся необычайною добродѣтелію или чудесами.

»Между тѣмъ (отвѣчалъ св. Григорій) дня не достало бы мнѣ, еслибы я захотѣлъ рассказать о святыхъ мужахъ все то, что знаю о нихъ или самъ отъ себя или отъ достовѣрныхъ свидѣтелей».

Петръ просилъ св. Григорія рассказать хотя что нибудь о нихъ въ назиданіе людямъ, изъ которыхъ на многихъ разительные примѣры гораздо сильнѣе могутъ дѣйствовать, чѣмъ простое ученіе и теоретическая проповѣдь. Св. Григорій согласился на эту просьбу, и вотъ мы имѣемъ книгу, богатую назиданіемъ и въ тоже время замѣчательную по отношенію къ характеристикѣ вѣка и личности святаго отца. Много удивительнаго въ этомъ мірѣ людей, отрেকшихся отъ міра и жившихъ одними помыслами о духовномъ. Ихъ добродѣтели не бросаются такъ въ глаза въ рассказахъ св. Григорія, какъ тѣ

знаменія и чудеса, какими они явно возвышаются надъ естественнымъ теченіемъ явленій жизни, и по какимъ представляютъ изъ себя людей благодати, расточающихъ силу Божию не только въ великихъ, но и въ малыхъ отношеніяхъ своего особеннаго міра. Удивительнымъ, больше небеснымъ, чѣмъ земнымъ колоритомъ украшенъ этотъ міръ въ книгѣ св. Григорія. Блаженный и вѣрующій повѣствователь боится и считаетъ несообразнымъ съ его достоинствомъ трогать его простыми руками, смотрѣть на него съ естественной, будничной точки зрѣнія, чтобы тѣмъ не оскорбить его святости. Избытокъ духовныхъ, благодатныхъ силъ, въ немъ дѣйствующихъ, поражаетъ его набожную мысль, и на нихъ, на ихъ необыкновенныхъ дѣйствіяхъ онъ сосредоточивается всею своимъ вниманіемъ, и если вспоминаетъ при этомъ объ условіяхъ простой-обыкновенной, грѣшной жизни, то для того только, чтобы противоположностію ея больше отбѣнить и выказать высоту и величіе новаго духовнаго міра, его такъ увлекающаго. Вѣра и молитва отцовъ торжествуетъ надъ стихіями, побѣждаетъ законы природы и не встрѣчаетъ сильнаго сопротивленія со стороны установленнаго порядка матеріальнаго бытія. Подобно Или и Елисею, отцы, прославляемые св. Григоріемъ, молитвою умножаютъ елей и вино въ сосудахъ, при недостаткѣ естественныхъ средствъ къ его добыванію (Ноннозъ, предстоятель монастыря,)¹⁾ и Вонифатій, епископъ города Ферентины,²⁾ подобно Моисею, открываютъ обильный источникъ воды въ утесѣ горы (св. Венедиктъ,³⁾ подобно св. апостолу Петру, укрѣпляемому поддерживающею силою самаго Господа, ходятъ безопасно по водамъ (Мавръ,⁴⁾

¹⁾ *Operum omnium divi Greg.*, Т. II. fol. 22. Dialog. lib. prim. c. VII.

²⁾ *Dial. lib. prim. c. f. 23.*

³⁾ *Dial. lib. sec. cap. V f. 26.*

⁴⁾ *D. lib sec cap VII.*

ученикъ св. Венедикта), подобно самому Господу Иисусу Христу, воскрешаютъ мертвыхъ (Венедиктъ,¹⁾ Елевѣерій,²⁾ Северъ,³⁾ Фортунатъ, епископъ тудертинскій,⁴⁾ даютъ зрѣніе слѣпымъ (тотъ же Фортунатъ, епископъ тудертинскій,⁵⁾ однимъ хлѣбомъ насыщаютъ очень многихъ и еще въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (Сангтуль, пресвитеръ нурсійскій,⁶⁾ и пр. пр. Но намъ не перечислить всѣхъ чудесъ, какими полна жизнь отцовъ и подвижниковъ, изображаемыхъ св. Григоріемъ, и каждая страница его достопамятной книги. Книга вводитъ насъ въ міръ, къ которому устремлены были желанія не одного св. Григорія въ его мятежный и беспокойный вѣкъ, и къ которому всѣ относились съ полнымъ благоговѣніемъ. Въ немъ спасеніе отъ тѣхъ бѣдъ, которыя такъ тяготятъ человѣка въ обыденной дѣйствительности, особенно въ несчастныя для него времена. И не напряженнымъ физическимъ трудомъ, а силою облагодатствованнаго духа подвижникъ обезопасиваетъ себя отъ тягостныхъ условій нашего земнаго существованія. Чудеса, разсказанныя св. Григоріемъ, служатъ запечатлѣніемъ этой невидимой силы, являющейся и возрастающей въ кругѣ людей, устремившихся всею душою къ высшимъ подвигамъ добродѣтели и къ такъ желанному для человѣка единенію съ Богомъ. Въ изображеніи ихъ намъ представляется апоѳеоза этой силы, имѣющая своимъ источникомъ благоговѣнное чувство и вѣрующее сознаніе. Пораженный яркимъ сіяніемъ ея, глазъ почитателя ея не замѣчаетъ тѣхъ внутреннихъ страданій, какія она выдер-

¹⁾ Dial. lib. sec. cap. XXXII. f. 29.

²⁾ D. lib. sec. c. XXXIII. f. 36.

³⁾ D. lib. pr. c. XII, f. 24.

⁴⁾ D. lib. pr. c. X, f. 24.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ D. lib. tert. cap. XXXVII, f. 37.

живаешь на пути къ своей цѣли и оставляетъ въ тѣни тѣ трудныя подвиги, какими достигается высшее укрѣпленіе духа небесною благодатію. Книга св. Григорія мало занимается внутреннею исторіею подвижнической жизни, съ ея борьбами и препятствіями къ самоусовершенію, съ ея трудомъ, самонаблюденіемъ и самоотверженіемъ, какъ это встрѣчается у греческихъ историковъ подвижничества. Она больше изображаетъ величіе и высоту его, насколько это дѣлаютъ виднымъ внѣшнія проявленія вышечеловѣческой силы подвижниковъ, замѣченныя ихъ ближайшими учениками и рассказанныя благоговѣйными почитателями ихъ памяти.

Не къ однимъ подвижникамъ благочестія горѣло желаніемъ благоговѣйное сердце св. Григорія Двоеслова, и не въ нихъ однихъ оно чтило живые органы божественной чудодѣйственной благодати. Предметомъ его благоговѣйнаго почитанія были и кости святыхъ, и всѣ остатки, освященные ихъ прикосновеніемъ, Въ своей ревности по этой святынѣ онъ превосходилъ самыхъ набожныхъ современниковъ, съ усердіемъ выслушивалъ и собиралъ разныя сказанія объ ихъ дѣйственности и силѣ и не могъ бы потерпѣть тѣхъ бездушныхъ сомнѣній, съ какими смотрятъ на безцѣнныя сокровища церкви люди нашего маловѣрующаго вѣка. Но чѣмъ глубже и искреннѣе было благоговѣніе св. Григорія къ церковной святынѣ, завѣщанной христіанству прославленными членами церкви, тѣмъ болѣзненнѣе отзывался въ его сердцѣ обманъ человѣческій, который святотатственно вторгался въ эту область и разными подлогами дѣйствовалъ на легковѣрное сердце простаго народа. Онъ замѣчалъ этотъ обманъ въ свое время, и съ горькимъ негодованіемъ осуждалъ святотатственную дерзость обманщиковъ. Литературнымъ памятникомъ, въ достаточной полнотѣ выражающимъ мысли св. Григорія объ этомъ предметѣ, можетъ служить письмо его къ

императрицѣ Констанціѣ, супругѣ императора Маврикія.¹⁾ Констанція просила его прислать ей главу или какую либо другую часть мощей св. апостола Павла, для освященія церкви, строившейся во дворцѣ, во имя апостола Павла. Отказываясь исполнить эту просьбу или повелѣніе императрицы, св. Григорій изъясняетъ въ письмѣ причину своего неповиновенія тѣмъ, что на западѣ всѣмъ считаютъ святотатствомъ касаться тѣлъ святыхъ, а тѣмъ болѣе переносить ихъ съ одного мѣста на другое (говоритъ св. Григорій). Тѣла св. апостоловъ Петра и Павла ознаменовали себя въ церкви такими чудесами и внушили къ себѣ во всѣхъ такой страхъ, что даже для молитвы нельзя приступать къ нимъ безъ трепета. Такъ явилось устрашающее знаменіе, когда блаженной памяти предмѣстникъ мой хотѣлъ нѣчто измѣнить въ серебряномъ украшеніи, бывшемъ надъ святѣйшимъ тѣломъ блаженнаго апостола Петра, не смотря на то, что онъ стоялъ отъ того тѣла на разстояніи пятнадцати шаговъ. И я подобнымъ образомъ хотѣлъ кое-что исправить около гробницы св. апостола Павла. Нужно было дѣлать около гробницы нѣкоторыя раскопки; настоятель мѣста нашелъ какія-то кости, не находившіяся въ той гробницѣ. Когда они взяли ихъ, чтобы перенести въ другое мѣсто, то явились страшныя знаменія, и онъ внезапно умеръ. Упомянувши о подобномъ чудѣ отъ мощей мученика Лаврентія, поразившихъ смертію нѣсколькихъ монаховъ, которые при работахъ около гробницы увидѣли его тѣло, нечаянно открытое, св. отецъ переходитъ къ указанію значенія внѣшнихъ вещей, освященныхъ прикосновеніемъ къ тѣламъ святыхъ, каковы покровы и т. под. Если такія вещи съ благоговѣніемъ будутъ сохраняться въ церкви, то отъ нихъ или чрезъ нихъ много можетъ совершаться чудесъ, и онѣ въ нѣкоторомъ отношеніи могутъ замѣнять самыя

¹⁾ Op̄er. omnium Greg. Epist. lib. séc. c XXX, f. 132—3.

тѣла святыхъ. Св. Григорію припомнились при этомъ сомнѣнія касательно святости этихъ предметовъ, бывшія въ силѣ у нѣкоторыхъ въ Греціи, и онъ счелъ нужнымъ выступить противъ этихъ сомнѣній съ историческимъ аргументомъ. Еще во времена блаженной памяти папы Льва греки высказывали сомнѣнія о такихъ остаткахъ; для уничтоженія этихъ сомнѣній первосвященникъ надорвалъ одинъ покровъ, и въ разорванномъ мѣстѣ показалась кровь. Припомнились ему еще худшіе рассказы о грекахъ, объ ихъ святотатственномъ обращеніи съ святынею церковною, объ ихъ подлогахъ и обманахъ, и онъ не можетъ надивиться этимъ рассказамъ, и не хотѣлъ бы вѣрить имъ. Но вотъ, два года назадъ, какіе-то греческіе монахи пришли въ Римъ и ночью вырыли тѣла умершихъ, погребенныя около церкви святаго Павла, собрали ихъ кости и взяли съ собою. Ихъ поймали и тщательно допрашивали, для чего они это сдѣлали; они признались, что они эти кости увезли бы въ Грецію и тамъ выдали бы ихъ за святыхъ мощи....

Вы видите здѣсь человѣка, со всѣмъ усердіемъ публичной души чтущаго остатки святыхъ, и ждущаго отъ нихъ всевозможныхъ чудесъ и страшныхъ знаменій,— видите вѣрующаго римлянина, удивляющагося нѣкоторой свободѣ мыслей, на этотъ счетъ возникавшей въ иныхъ слояхъ образованной Греціи,— свободѣ, могущей, при ослабленіи нравственности, вести къ самымъ ужаснымъ преступленіямъ, каковы сенокорыстные и святотатственные обманы и подлоги. Онъ самъ не смѣетъ прикоснуться къ священнымъ вещамъ, и не смѣетъ безъ трепета вспоминать объ обычаяхъ грековъ, по которому они осмѣливались переносить тѣла святыхъ съ одного мѣста на другое. И въ этомъ случаѣ его чувства, по свидѣтельству его въ письмѣ къ Констанціѣ, раздѣляютъ христіане не только римской провинціи, но и всѣхъ западныхъ странъ и областей. Ясно слышится здѣсь нѣкоторое соперничество, которое издавна суще-

ствовало между Греціею и Римомъ, и сильный представитель Рима, обязаннаго Греціи многими благами просвѣщенія, открыто признаетъ предъ константинопольскою императрицею превосходство своей страны предъ ученымъ востокомъ со стороны вѣры и добродѣтели.

Но въ ряду святынь, чтимыхъ св. Григоріемъ и его паствою, были и такія, которыхъ можно было касаться благоговѣйною рукою. Таковы напримѣръ цѣпи св. апостола Петра, ключи отъ нихъ и кресты, благословенные надъ тѣлами св. апостоловъ и другія подобныя. Считая ихъ защитою и покровомъ отъ всѣхъ бѣдъ и напастей, видя въ нихъ особенное вѣяніе благодати, св. Григорій разсылалъ ихъ изъ Рима тѣмъ лицамъ, предъ которыми хотѣлъ выразить свою христіанскую любовь. Духъ вѣка искалъ видимыхъ знаковъ освященной благодати, и римскій первосвященникъ, по мѣрѣ возможности, старался удовлетворять благочестивымъ желаніямъ. Такъ онъ общается императрицѣ Констанціѣ, вмѣсто части мощей св. апостола Павла, послать нѣчто изъ цѣпей, которыя онъ носилъ на рукахъ и на шеѣ, и которыя прославились многими чудесами. Такъ награждалъ онъ римскою святынею и благочестивыхъ женщинъ, и монаховъ, и патриціевъ, и королей Реккареда, короля вестготскаго и Хильдеберта, короля фракскаго, Брунегильду, королеву франкскую,—посылая имъ маленькіе кресты, благословенные надъ святѣйшими тѣлами апостоловъ, ключи отъ цѣпей апостольскихъ, частицы этихъ цѣпей и частицы рѣшетки, на которой сожженъ былъ мученикъ Лаврентій и т. п. Признавая за такою святынею чудодѣйственную силу, сохраняя отъ сомнѣній въ этой силѣ указаніемъ на страшныя знаменія, бывшія отъ нея въ недавнія минувшія времена, св. Григорій общается тѣмъ, кому посылаетъ святыню, что она защититъ ихъ отъ всякаго зла и умножитъ то благословеніе Божіе, какимъ они уже владѣютъ, и можетъ исцѣлять ихъ отъ всякой

болѣзни, душевной и тѣлесной. Благоговѣйное вѣрованіе въ эту святыню, сильное въ вѣкъ Григорія, еще болѣе укрѣплялось тѣми разительными случаями, какими окружена была ея память.¹⁾ Такъ, по увѣренію св. Григорія, когда одинъ лонгобардъ неуважительно посмотрѣлъ на ключъ отъ цѣпей апостола Петра, и считая его золотымъ, хотѣлъ ножомъ отломить часть его,—то этимъ ножомъ онъ поналъ себѣ въ шю, и тѣмъ нанесъ себѣ смертельную рану.

— — —

Можетъ быть, мы опустили нѣсколько чертъ и замѣчательныхъ обстоятельствъ, рисуя характеръ св. Григорія Двоеслова. Мы не имѣли въ виду входить во всѣ подробности, касающіяся его исторіи, предположивъ себѣ сосредоточиться на его проповѣдническихъ сочиненіяхъ. Но насъ невольно увлекли симпатическія, дышащія любовію и благоговѣніемъ, черты его личнаго образа, ярко отпечатлѣвающія въ тоже время характеръ своего времени. Надѣмся, что и изъ нашихъ неполныхъ указаній видѣнъ святой человекъ со всѣми особенностями его направленія. Его неутомимая, вліятельная и широкая дѣятельность, простиравшаяся на разныя сферы общественной и религіозной жизни, его постоянное духовное напряженіе, не ослабляемое его болѣзненностію, его нѣжная и сострадательная душа, его усердное занятіе свящ. писаніемъ, обильная литературная дѣятельность и частыя бесѣды съ народомъ, наконецъ его глубокая искренняя вѣра, льющаяся изъ его души, и усиленное стремленіе къ подвижничеству и нравственной святости—все это обратило на него вниманіе современниковъ и близкаго потомства и сдѣлало его выразителемъ думъ цѣлаго вѣка. Народъ смотрѣлъ на него какъ на лучшаго изъ своихъ представителей,

¹⁾ Epist. lib. VII. Cap. CXXVI.

видѣлъ въ немъ живой осуществленный идеаль тѣхъ стремленій, какими волновалось его сознаніе и сердце, и почиталъ его именемъ *великаго*. Этимъ именемъ онъ засвидѣтельствовалъ, что въ лицѣ св. Григорія для него выражено въ высшей степени все то, что было лучшаго въ мысляхъ и желаніяхъ того времени, и чрезъ это имя святой отецъ дѣлается идеальнымъ носителемъ всего содержанія своей эпохи. Еще при жизни его имя окружено было чудесами, и поставлялось на высоту, недостижимую для обыкновеннаго люда, и въ этихъ чудесахъ прославлялось то его правительственная дѣятельность, то святость и усиленная добродѣтель, то просвѣщенный богоозаренный его умъ. Послѣ его смерти слава его стала расти въ народной памяти больше и больше. Великимъ былъ онъ въ глазахъ современниковъ. Въ половинѣ VII вѣка Ильдефонсъ, архіепископъ толедскій,¹⁾ уже не находитъ словъ, чтобы достойно восхвалить его, и во всей христіанской древности не видитъ никого, съ кѣмъ бы могъ сравнить его. Св. Григорій, по его представленію, превосходить въ святости Антонія, въ краснорѣчій Кипріана, въ мудрости Августина. Восхваляя его сочиненія (собственно толкованіе книги Іова), онъ выражался, что если бы всѣ члены мудреца превратились въ языки, то и они были бы не въ состояніи передать тайны, раскрытыя въ его писаніяхъ, содержащееся въ нихъ правоученіе и всю красоту ихъ рѣчи. Конечно, здѣсь больше панегирической гиперболы, чѣмъ точной характеристики. Но для насъ это ораторское выраженіе и имѣетъ значеніе, какъ свидѣтельство того высокаго почитанія, съ какимъ относились къ имени св. Григорія поколѣнія, смѣнившія его современниковъ. Это благоговѣнное уваженіе къ памяти св. Григорія перешло и въ VI и въ IX вѣкъ, и выразилось въ нихъ двумя жизнеописаніями его, изъ которыхъ одно принадлежитъ

1) De viris illustr. c. I.

славному лонгобарду Павлу Варнефриду, извѣстному больше подъ именемъ Павла діакона, а другое Іоанну діакону, описавшему жизнь св. Григорія, по приказанію папы Іоанна VIII, около 875 года. При немъ церковь уже торжественно праздновала память св. Григорія, и христіане съ вѣрою и усердіемъ цѣловали его мантию и поясъ, и крестъ съ мощами святыхъ, который во время жизни носилъ онъ на груди своей.

Съ полнымъ благоговѣйнымъ уваженіемъ мы оставляемъ святой образъ сильной личности, и снова надѣемся возвратиться къ нему, при изображеніи проповѣдническихъ трудовъ, дошедшихъ до насъ съ именемъ св. Григорія Двоеслова.

В. Пявницькій.

